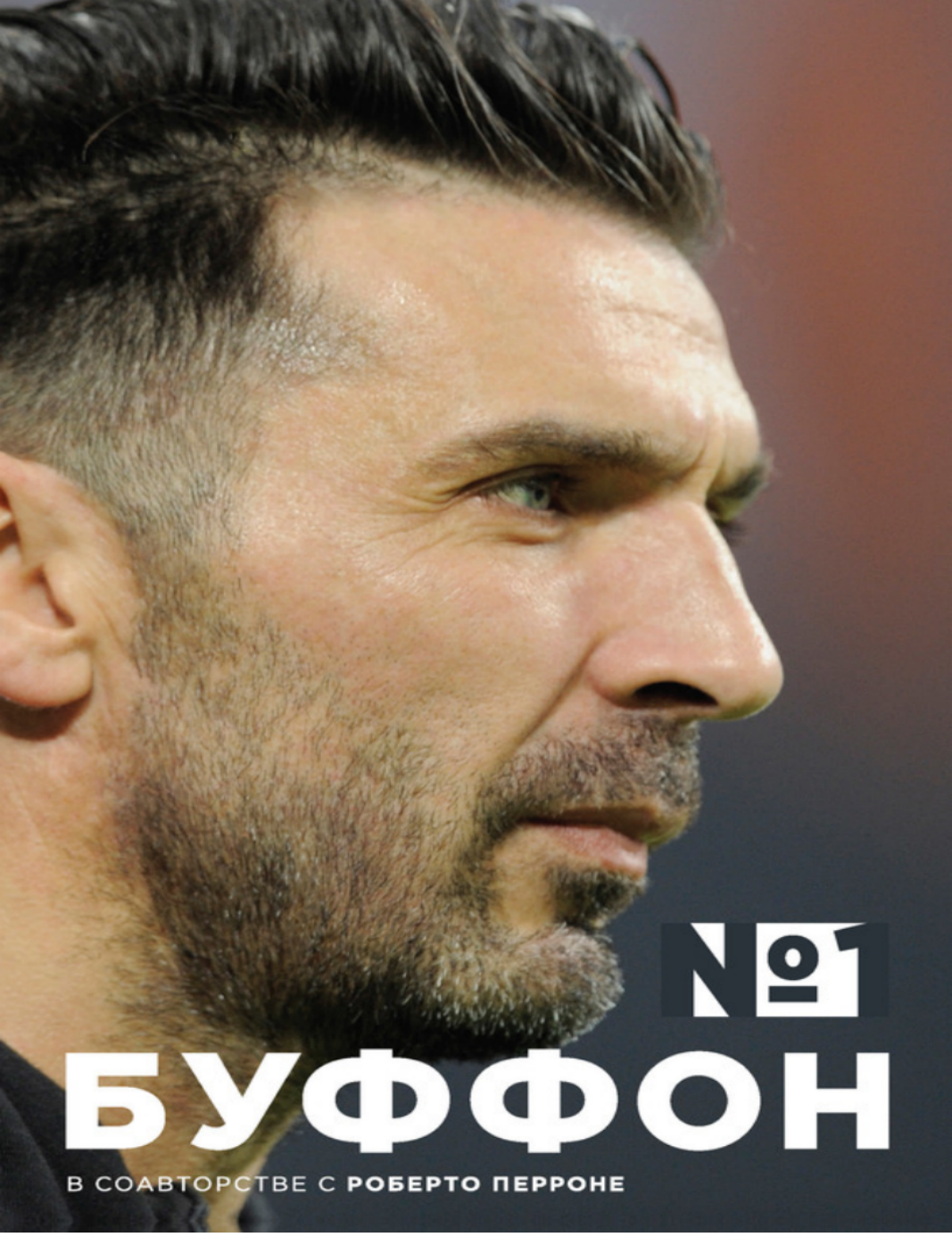
№1
БУФФОН
В СОАВТОРСТВЕ С РОБЕРТО ПЕРРОНЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Супермен», «Эль-буфф», а для российских фанатов – «Буффонище». Все это прозвища одного из самых лучших вратарей в мире, Джанлуиджи Буффона, чемпиона мира по футболу и неоднократного обладателя золотых медалей итальянской Серии А. В своей биографии Буффон рассказывает о себе, словно пишет роман. Здесь есть воспоминания: потасовка в стане пармских ультрас, матч за сборную Италии в холодной январской Москве и еще много других историй. Здесь есть человек – великий чемпион, который выигрывал и ошибался, который умеет с мужеством переживать любые ситуации. Здесь есть Джанлуиджи Буффон – номер 1.

- Джанлуиджи Буффон, Роберто Перроне
  - ○
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Пролог
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12
  - ○ 13
  - ○ Эпилог
  - ○ Послесловие
  - ○ Приложение
  - ○

Джанлуиджи Буффон, Роберто Перроне
Джанлуиджи Буффон. Номер 1

Gianluigi Buffon & Roberto Perrone
NUMERO 1
© 2008–2017 Rizzoli Libri S.p.A. / Rizzoli, Milan
© Шуйская Ю. В., перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018
Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

***

Я горжусь тем, что я голкипер. Мне интересно быть в эпицентре шторма. Я всегда считал, что, совершив ошибку, я лишь поскользнулся, но не упал. Я сразу поднимаюсь на ноги.

Джанлуижди Буффон

Предисловие Роберто Перроне

Я был в Парме, когда он дебютировал в Серии А, когда Невио Скала послал его защищать ворота в игре против «Милана», и он был абсолютным дебютантом – но не дилетантом – у ворот. Я был в Москве, в снегу, где никто, даже он сам, не хотел находиться, когда он дебютировал в национальной сборной. Я был в Турине, когда он впервые надел майку «Ювентуса» и спрашивал себя, правильный ли выбор он сделал. Я был в Удине, когда он выиграл свой первый скудетто, и мы все считали, что вошли в историю и сами пишем ее. Я был в Манчестере, когда он проиграл в финале Лиги чемпионов и был так задет этим, что вернулся и взял реванш. Я был в Берлине в тот вечер, когда «верный Канна» передал ему в руки Кубок мира.

Я был везде с ним, и был там ради него. Я хочу сказать, что многие могли бы написать историю Джиджи Буффона, возможно лучше, чем я. Но прелесть этой книги – по-моему, очень эгоистичной – в том, что она родилась из дружбы и ее скрепила. Яйцо не появилось раньше курицы, а книга – раньше дружбы: все шло естественным образом, по правилам матери-природы, которая никогда не ошибается.

На этих страницах самый великий вратарь мира – один из четырех или пяти, которые останутся навсегда в мировой истории футбола, – рассказывает о себе, словно пишет роман. Здесь не всегда есть даты, но всегда есть воспоминания и образы. Здесь есть человек – великий чемпион, который выигрывал и ошибался, который умеет с мужеством переживать любые, в том числе и негативные, ситуации. Есть особый раздел классификаций, но нет маниакальной страсти соблюдать календарь. Более того – мы наверняка ошиблись в какой-нибудь дате (на что точно обратят внимание въедливые журналисты и их редакторы). Работая над этой книгой, мы сосредоточились на гораздо более важных вещах: спагетти карбонара от Анджелино, артишоках Судьи, компании Алены и Сильвано и, конечно, маленького Луиса Томаса, который с удовольствием слушал воспоминания своего отца и сидел у него на руках весь вечер.

Я ненавижу длинные предисловия, так что хватит. Если непонятно – я написал о человеке, которого люблю. Единственный играющий футболист, которого я могу назвать своим другом. Единственный, с кем я пошел бы поужинать. Не только из-за нашей дружбы, но и потому, что в плохой ресторан

он меня не поведет.

Пролог
Мэрилин ошиблась

Иногда я скучаю по спокойной жизни, как по редкому, драгоценному цветку. В такие моменты все, чего ты обычно пытаешься избегать, внезапно образует в душе огромную дыру. В такие моменты некоторые фразы, которые ты всегда произносил с трудом или наоборот – с улыбкой удовлетворения, становятся правдой. Болезненной правдой. От которой никуда не скрыться.

Это длилось со мной полгода, с декабря 2003-го до мая – нет, до июня 2004-го.

Я впал в депрессию, ходил к психологу. Ни до, ни после я так и не понял, почему все произошло именно тогда. Возможно, это был переход от молодости к зрелости – хотя я был не так уж и молод: уже прошло тринадцать лет, как я жил отдельно от семьи, да и моя карьера не застыла на мертвой точке. С другой стороны, я был далеко от дома, да и с моим «Ювентусом» не все было гладко в тот период. Как это называется в таких случаях? Переходный год. Но это вряд ли может служить объяснением.

Что же со мной было? Простейшая вещь, в общем-то: я не был удовлетворен ни своей жизнью, ни своей работой – футболом. Это были трудные месяцы, их было тяжело пережить. Человек, у которого всегда есть стремление и желание бороться, который всегда был способен превзойти себя и найти силы в любой ситуации, с бóльшим трудом находит повод подняться.

Я тренировался, и у меня ничего не получалось. Я был напуган, и этот страх – в том числе на чемпионате Европы в Португалии, который закрывал этот сезон, – был для меня чем-то новым. У меня начали дрожать ноги, мне постоянно было плохо.

В течение месяца я вообще чувствовал себя сумасшедшим. Нет, я не сделал ничего ужасного, ничего неисправимого, ни одного неверного движения. Но я чувствовал себя так, будто моя голова принадлежит не мне, а кому-то другому, как будто я постоянно находился в другом месте.

К счастью, хотя я и привык рассчитывать только на свои силы, я никогда не стыдился разговаривать, рассказывать, открываться другим людям. Я говорил об этом со всеми: с семьей, с главой клуба и врачом команды, Риккардо Агрикола. И они мне помогали.

Месяц я ходил к психологу. И это мне помогло.

К счастью, я быстро вышел из этого состояния.

Это ощущение страха и неуверенности вдруг исчезло именно

там, куда я так боялся ехать: на чемпионате Европы в Португалии, на ужасном матче Дания – Италия, закончившемся нулевой ничьей, который сейчас все помнят по плевку Франческо Тотти в Поульсена, теперь внезапно ставшего моим партнером по команде.

Это было внезапное облегчение. Словно после грозы очистилось небо. Я был под ливнем, и вдруг надо мной оказался ясный небосвод.

Мы вошли в раздевалки, и я был единственным, кто улыбался. Возможно, кто-то из моих товарищей подумал: «И чему тут улыбаться?», но никто мне ничего не сказал.

Именно там я задумался над фразами, которые мы считаем банальностями, над этими поговорками, которые кажутся нам старыми, нудными и лишенными смысла в наше время, полное противоположных мнений.

«Не в деньгах счастье».

У меня в голове застучали эти слова. И внезапно я понял, насколько это верно. Я понял, что в некоторых ситуациях деньги не имеют никакого отношения ни к твоей жизни, ни твоим ценностям, ни к тому, чему ты учишься каждый день и учишь тех, кто с тобой рядом.

Мэрилин Монро однажды сказала: «Лучше плакать в «Роллс-Ройсе», чем в переполненном трамвае». Она ошибалась. Тот, кто плачет в переполненном трамвае, понимает, что может выйти, улучшить что-то, изменить условия своей жизни, вложить больше силы, больше упорства, больше желания для того, чтобы выйти из кризиса, и у него быстрее высохнут слезы.

А тот, кто плачет на удобных сиденьях «Роллс-Ройса», уже достиг всех мыслимых пределов, и ему будет гораздо труднее выйти из кризиса, потому что он даже не знает, что ему еще улучшить. На самом деле у него нет надежды.

В тот июньский день 2004 года, в раздевалке стадиона в Гимарайнше, я вдруг ощутил невероятное счастье.

«Я вернулся», – сказал я сам себе, пока мои товарищи смотрели на мою улыбку и качали головой.

Я снова Джиджи.

Джиджи Буффон.

1
Тринадцать!
Блюз Пертегада

«Тринадцать!!!»

Вопль потряс дом в Пертегаде. Возможно, этот крик было бы слышно даже в семейном магазинчике внизу, если бы он был открыт. Но он закрыт – воскресенье, вечер. Одно из тех воскресений, когда футбол в итальянских домах начинается (и заканчивается, потому что нет дополнительного времени, а детям не рекомендуется смотреть «Спортивное воскресенье») на 90-й минуте. Зимой повсюду темно, а в Пертегаде – особенно. Это край, где зимы начинаются рано и длятся дольше, чем ожидаешь, – как дополнительное время матча.

И вот я там, дома, у дяди и тети, сумасшедших болельщиков «Ювентуса», и я счастлив, потому что держу в руках карточку футбольного тотализатора. Мне четыре или пять лет, и прошлым вечером я впервые продиктовал свои первые цифры в тотализаторе.

«У меня тринадцать», – настаиваю я. Дядя с тетей смеются. Они смеются не надо мной, но мне все равно неприятно. Они терпеливо успокаивают меня и объясняют, что в тотализаторе считается одна колонка, а не две.

В тот раз у меня не было тринадцати, но много лет спустя – а я играл в тотализатор, пока мог, каждую неделю – мне удалось собрать двенадцать, на миллион лир. Я не помню, кричал ли я, и даже не помню, где в тот момент находился. Но получил колоссальное удовлетворение. Не из-за денег, а из-за результата. Мне приносит радость сама игра, – пожалуй, самая большая моя страсть. Но это другая история, о ней потом.

Настоящий выигрыш – это моя семья: папа Адриано и мама Мария Стелла. Часто я смотрю на них – уже не глазами ребенка, но взрослого, и все равно удивляюсь. Я бы тоже хотел через тридцать лет так смотреть на женщину, которую люблю, и хотел бы, чтобы она смотрела на меня так, как моя мать на отца.

Мой папа толкал ядро, мама метала диск. Они тренировались в национальной сборной по атлетике в Формии, в Федеральном техническом Центре. Нельзя сказать, что первая их встреча отметилась большой симпатией. Папа размахивался для броска, мама проходила мимо, и он грубо крикнул ей: «Уберись!» Один бросок – и два сердца. Даже три. Сначала Гвендалина (1973),

Вероника (1975), потом я, в 1978-м.

Я самый младший в семье, я всегда им был и всегда останусь, возраст и рост не играют роли. Я самый младший, и все.

Мне всегда казалось, что спорт у меня в крови: вся моя семья – спортсмены, все Буффоны носили майки национальной сборной. Сначала занимались спортом, потом преподавали. Мои сестры были чемпионками в волейболе. Мои родители получили дипломы тренеров Национального института физкультуры и работали в школах Тосканы: Тиррения, Пиза, Фучеккьо. Когда я родился, мои сестры ходили в детский садик. Но я был самым маленьким и не мог посещать садик на полный день. Мой отец был из Латизаны, Фриули, и там до сих пор живет его семья.

Так что я оказался у дяди с тетей, потому что они могли меня содержать. Пока я не пошел в школу, моя жизнь была подчинена сезонному ритму: зимы я проводил в Пертегаде у дяди с тетей, лето – дома.

Пертегада – малюсенький городок, я был дико избалован дядей Джанни и тетей Марией (те самые, с тотализатором) и бабушкой Линой. Я был любимым, самым маленьким внуком, чужаком. Думаете, это ничего не значит? Вы когда-нибудь жили в маленьком городе? В маленьких городах всегда так: если вы не часть клана, вы становитесь чужаком, на вас смотрят, изучают, и если принимают, то любят еще больше, чем тех, кто жил там всегда.

Иногда я спрашиваю себя, у всех ли так, у всех ли жизнь строится на связях, отзывах, сигналах. Свои первые игры с футбольным мячом я провел именно в Пертегаде, среди сугробов. Когда я дебютировал в национальной сборной, я смотрел на снег на бывшем стадионе Ленина в Москве и думал: «Невозможно, неужели и здесь?»

В Пертегаде я проводил дни в продуктовом магазине с другой моей тетей, Альдиной. Для меня это был волшебный мир. Ходить между полок, бегать по коридорам, полным еды. Еды…

У меня всегда был полный рот. Больше всего мне нравились бутерброды с мортаделлой, я поглощал их, как машина. А еще были конфетки Haribo – с мармеладом, с карамелью, с ликером. Счастливый, я полными руками загребал сладости. Бродить по этим коридорам – это был мой способ не надоедать родственникам. Я привык быть автономным. Это всегда была моя особенность.

Магазин был на первом этаже. На втором был дом, разделенный на две части: с одной стороны – Джанни и Мария, с другой – Альдина. Была огромная печь, на которую кидали одежду, приходя с улицы, если снаружи шел снег. К Альдине я

ходил смотреть фильмы с Бадом Спенсером, со всеми его пинками и улыбками, а она мне готовила макароны в соусе или кукурузный суп.

Всегда нужно было что-нибудь горячее, потому что на улице было холодно. Я не страдаю от холода. Часто думаю, что в детстве я хорошо закалился, но холод мне не нравится. Я помню, что однажды после обеда мне запретили выходить гулять, потому что шел снег. Тетя Мария семь раз переодевала меня до обеда. Каждый раз я заново выходил и играл в снежки, бегал с друзьями, играл в мяч.

Я не люблю надевать на себя много одежды даже зимой, но когда живешь в месте с таким климатом, начинаешь любить тепло. Тепло печки в доме дяди и тети во Фриули было важным элементом моего детства.

Как и отсутствие режима. Может быть, поэтому я сейчас ем когда угодно, но не по расписанию. Мы вставали в пять, садились за стол в 11.30 и в 17.30, в 20.30 пили ромашковый чай и шли спать в 21.00. Это был мой дом, и я любил и его, и людей, которые в нем жили.

Я так любил их, что однажды расстроил маму. Возможно, это было одно из самых больших ее огорчений, связанных со мной. Это было на одном из грандиозных семейных сборищ, на религиозном празднике, в Карраре. Когда надо было идти спать, я устроил ужасную сцену: я хотел спать с дядей и тетей, а не с родителями. Мама до сих пор время от времени вспоминает об этом и рассказывает мне, качая головой.

Пертегада – место моих корней, моих самых сильных впечатлений, одно из тех мест, куда я постоянно возвращаюсь своей памятью. Там, среди прочего, я начал коллекционировать наклейки Panini. В 1983 году мне подарили мой первый альбом. Листая его, я до сих пор испытываю сильные эмоции и снова вижу себя ребенком, который открывает упаковку с наклейками Асколи: Анцивино и Николини. Я никогда не прекращал их собирать.

С 1961 года у меня нет только двух альбомов.

В Пертегаде я получил и свой первый мяч. Его мне подарил дядя. Я пошел играть на поле в пятистах метрах от дома. Это был «супертелемяч», как тогда говорили. Он летел, куда хотел. Мой отец дарил мне только мягкие, как губка, мячи, которые мне не нравились. Я бегал по полю с мячом и играл с мальчишками старше, я был их баловнем.

Летом я возвращался в Каррару. Лето для меня, ребенка, было не менее магическим, чем зима. В сущности, это был тот же запах открывающейся перед тобой жизни, возможности все

попробовать. Моим любимым местом был – и остается по сей день – курорт Баньи Юнионе 1920. Весь день на пляже с сестрами, кузинами и их парнями. Я и там был баловнем. Иногда, правда, меня использовали как игрушку.

Их любимым развлечением было следующее: они связывали мне руки за спиной, а я должен был преодолевать преграды, прыгая по песку. Сколько раз я царапался! Но мне нравится думать, что так я преодолел страх падать на землю, даже когда она покрыта снегом, и принимать удары.

Однажды в сентябре я не вернулся в Пертегаду. Мне было шесть лет, и пора было начинать ходить в школу.

Открылась первая серьезная дверь моей жизни.

2
Скамейка и штанга
Между западом и дорогой на Эмилию Банг

Или похожий звук.

Мяч попадает в штангу и отлетает в поле. Теперь я наконец-то вздыхаю с облегчением. Я не успел за ним, но бог ворот подал мне руку и взял тот мяч, который не взял я.

Но не в тот день, тогда мне это не понравилось. Я должен был забить гол, и не где-нибудь. «Сан-Сиро» огромен, он подавляет тебя, к этому невозможно привыкнуть, он производит впечатление даже на профессионала. А уж на мальчика! Мой первый раз на большом стадионе, мой дебют, и я не защищал ворота команды, а пытался забить мяч. И он попал в штангу. С пенальти.

Банг. И я не смог вписать этот гол на миланском стадионе в свои спортивные достижения.

Это был март 1989-го, я играл в отборе «Масса Каррара». Там был и Дзанеттино, как я называю Кристиано Дзанетти, ныне моего товарища по «Юве», и Марко Росси из «Дженоа». Это был ребяческий матч, закуска перед главным блюдом, матчем Серии А. В тот день в программе был «Интер» против «Вероны». Хозяева выиграли 1–0 благодаря голу Берти.

Да, я начал играть в футбол. Я имею в виду, не в снегу Пертегады, не на песке. Не просто для развлечения, а в настоящей команде. В шесть лет, когда я пошел в начальную школу, семья наконец-то воссоединилась, и мы стали жить в домике на набережной Каррары. В Пертегаде я делил комнату со своим кузеном Серджио, а теперь с сестрами.

Тетрадки и мяч. Вот жизнь шестилетнего мальчика. Свой первый школьный день я хорошо запомнил. Все входили в классы с родителями, родственниками. А мой отец проводил меня до коридора, где начинались аудитории. Он остановился и сказал мне: «Первый «Б». И ушел, оставив меня посреди коридора.

Я один направился в свой класс и нашел там учительницу, ту же, что у моей сестры Гвендалины, по имени Габриелла Ванелли.

Я никогда не ходил с удовольствием в детский садик. В тех редких случаях, когда я там оказывался, надо мной все смеялись. Конечно – когда все клеили что-то из бумаги, я ее жевал.

Я приехал из Пертегады, из коридоров семейного магазина,

печки, где сушилась одежда, из маленького мира, состоявшего из одних и тех же лиц, постоянных ритуалов. Я не привык к общественной жизни, это все было мне в новинку. Но мне понадобился один день, чтобы приспособиться. Такова моя натура: мысль о чем-то новом на секунду меня блокирует, а потом я бросаюсь в это новое. В целом во время школьной жизни я был хорошим учеником. Конечно, достаточно жизнерадостным. Однажды учительница написала: «Он мог бы быть лидером класса».

Бумага, ручка, тетради. И мяч. Сейчас такого больше нет, но в те времена первое, что спрашивали друг у друга мальчики при знакомстве, было: «За кого болеешь?»

Все мои товарищи болели за «Юве» или за «Интер». Слишком просто. Мне нравились «Дженоа», «Пескара» Джованни Галеоне, Ребонато и Слишковича, – те, кто на «Сан-Сиро» победил «Интер» со счетом 2–0 в первый день чемпионата 1987–1988.

Я болел за футбол и играл в футбол. Мой отец тренировал команду «Каналетто» города Ла Специя. Я начал там. Сначала у меня не было особой страсти ни к команде, ни к спорту, мне просто нравилось, что у меня есть сумка, кроссовки и форма. Вот что было важно. А «Каналетто» или мадридский «Реал» – мне было все равно.

Свой первый матч я сыграл против «Каналетто»-76, более взрослых. И в тот раз я забил гол. Дебютировал с забитым мячом. Неплохо.

Две тренировки в неделю, вторник и четверг. Я выходил из школы, перекусывал бутербродами, которые готовила мне мама, и ехал в Ла Специю. Тридцать – сорок минут поездки, в зависимости от дороги. «Каналетто» был религиозной командой, перед началом тренировки все молились. Меня это не волновало. Я три года играл в «Каналетто». Три года был полузащитником.

Думаю, моя судьба была предрешена. Я не начинал как вратарь, но это была моя роль. Возможно, подсознательно я всегда это чувствовал. Или судьба подавала мне сигналы. Однажды меня позвали заменить вратаря, и на один матч я стал им. Через год, когда я продолжал играть в центре поля с командой на год старше, меня позвала команда 76-го года, чтобы я сыграл за них в воротах в финале. Тренер по фамилии Сабатини, с которым я тогда поспорил, поставил меня на самые важные матчи: четвертьфинал, полуфинал и финал. И мы выиграли чемпионат провинции. Потом сезон закончился, и я продолжал играть в полузащите, уже не в «Каналетто», а в «Карраре», а потом пошел играть в «Пертиката» – команду-спутник «Интера», где играл также Джанлука Сордо, который

потом был в «Турине» и в «Милане».

Я был такой же парень, как все: школа, футбол, друзья. Друзья. Банда с улицы Кадорна: я, Марко, Клаудио, Бук и Маранго. Волейбол, баскетбол, прятки. Это была спокойная жизнь, родители оставляли нас на улице до одиннадцати вечера, если погода была хорошей.

Это был мой Дикий Запад, моя прерия. Моими героями были персонажи японского мультика «Холли и Бенджи». Кто его не видел, тот и не поймет, о чем речь, но кто видел хотя бы один раз, тот никогда не забудет. У них было бесконечное поле, по которому они бежали, бежали, как будто оно было длиной два километра. И стальной робот Джиг. И незабываемые картинки с изображениями футболистов для обмена. Мы часто бывали дома у Марко, у такого классического друга, который получает все раньше прочих. У него появлялись первые консоли для электронных игр: Вик 20, Коммодор 64, Амига.

Среди нас были и девочки: Эмануэла, Клаудия, Валентина. Ужины пятого класса с пиццей и игрой в бутылочку. Никогда не понимал, почему она поворачивается всегда к одним и тем же людям. Мне всегда не везло. По-моему, это было мошенничество.

Футбол входил в мою жизнь тысячей способов. Часто – по телевизору. На чемпионате мира 90-го года я открыл для себя команду Камеруна. Но их вратаря, Томана Н'Коно, великого вратаря, который до сих пор является моим идолом, я видел и раньше, на воротах «Эспаньола», который выбил «Милан» Арриго Сакки из Кубка УЕФА 1987 года. Я влюбился в Камерун, потому что в альбоме чемпионата мира для этих ребят дважды выделили страницы – как это бывает в альбомах чемпионатов Серии Б. Мне это не казалось справедливым. Эти черные лица в махровых футболках делали мне больно своим футболом. Я стал их фанатом. «Дженоа» меня завоевала, потому что в Генуе жили мои дядя и тетя, Джанпьеро и Кора, мамина сестра. Настоящие болельщики. Когда я приходил к ним, я был очарован грифоном, которого они прикрепили на торпедо автомобиля. Я помню матч «Дженоа» – «Удинезе» в начале чемпионата 1983–1984, закончившийся сокрушительным поражением хозяев 0–5. Помню суперзвезду Зико, моего дядю, который рвал на себе волосы. Я принципиально не давал поражениям взять такую власть над собой.

Именно в 1990-м я решил стать вратарем. Это мне подсказал мой отец. Шаг назад. Мой папа часто давал мне советы, но он не был тем классическим отцом, которого стыдишься, из тех, кто висит на сетках, окружающих поле, и кричит проклятия всем, включая сына.

Нет, он мягко следовал за мной, когда я делал карьеру полузащитника в «Тарделли», в «Берти», то есть должен был забивать немало мячей. Это было у него в характере. Мой отец смотрел мои матчи из полуприкрытого угла стадиона. Я видел его там, в глубине, одного. После матча, когда я подходил к нему, он давал мне советы. Но аккуратно.

– Нужно больше упорства.

Он направлял меня. Иногда злился. Но не по техническим вопросам, а всегда по моему участию в матче.

– У тебя невероятная сила, но ты не используешь ее как можешь.

Потом однажды он сказал мне:

– Джиджи, а почему бы тебе не попробовать годик побыть вратарем?

А у меня уже был мой кумир из команды Камеруна 1990-го – Н'Коно.

– Давай попробуй.

Думаю, мой отец что-то заметил, наблюдая несколько дней назад, как я изображаю своего кумира.

Мне было тринадцать лет. В этот момент я и решил, что буду вратарем. Но «Пертикату» я интересовал только как игрок полузащиты. Так что я ушел в другую команду. Моя настоящая карьера началась в «Бонасколе».

Там я четко сказал: я пришел играть на воротах. Они согласились, но спустя несколько матчей стали предлагать мне снова поиграть в центре поля. Но я держался стойко. Тренера вратарей звали Авио Менкони, и он играл в Серии С. В конце года я снова оказался с командой старших, 76-го года, в заключительной части чемпионата. Я закончил сезон турниром Маэстрелли: мы победили «Турин» 1–0, и это был великий матч. И его фактически сделал я.

Это была поздняя весна 1991 года. Я был высоким, худым, и я был вратарем. Мне хватило девяти месяцев, чтобы им стать. Вратарем, а не кем-нибудь. Это не только личное убеждение, но и отзывы других. Меня заметили некоторые важные команды. Меня звали к себе три – «Болонья», «Милан» и «Парма».

В «Болонью» меня отправила «Бонаскола». Я пару раз попробовал в «Кастельдельболе», красно-синем спортивном центре. В один из этих разов тренер вратарей, Персико, показав на молодого игрока из «Примаверы», сказал мне: «Смотри, если ты хотя бы наполовину будешь играть, как он, то уже будешь отличным вратарем». Этого парня звали Пилато, и он играл даже в Серии В.

Представители «Милана» приехали посмотреть на меня

лично: просмотр включал в себя один матч и серию пенальти.

В «Парме» меня просматривали два скаута. Я специально ездил туда на просмотр: тренировка, матч и пенальти.

Во всех этих случаях отец со мной не ездил. Он не хотел давить на меня, хотел, чтобы я чувствовал себя спокойно, был самим собой, чтобы я воспринимал это не как экзамен, а как продолжение игры, без тревоги, без страха. Он бы хотел, чтобы я воспринимал это серьезно, но без фанатизма.

В «Болонье» я понравился, но они колебались, не были на сто процентов уверены.

«Милан» не колебался. Они были уверены на сто процентов. Они твердо решили взять меня и даже направили документы моим родителям. Мама и папа ездили в Лоди посмотреть, где я буду жить.

«Парма» тоже меня хотела. В конце мая я прошел просмотр. Спортивный директор сомневался, но тренер Эрмес Фульгони (в чемпионате 2007–2008 он был в «Реджине» в штабе Фиккаденти) сказал: «Этого парня мы должны взять любой ценой». Именно он позже, когда мне было шестнадцать, предсказал мне: «В двадцать лет ты будешь играть в Серии А». А я ему ответил со своим всегдашним лицом: «А до этого что я буду делать?» Я дебютировал в Серии А, когда мне еще не было двадцати – терпение никогда не было моей сильной стороной.

Я не наглец и не хвастун, и лучше всего об этом говорят те вещи, на которых останавливаю свой выбор. И в тот раз, в тринадцать лет, я сделал самый странный, самый непопулярный выбор.

Я выбрал «Парму». Новая команда, только год как в Серии А. Мои родители были удивлены, но в своем стиле – никак не отреагировали. Они просто сказали нужную фразу в нужный момент: «Парма – город, в котором человеку легче жить». Как и все их советы, эта фраза была наполнена смыслом.

Я был счастлив – сбывалась моя мечта. Мама и папа сопровождали меня на собрание в Парме: моей новой категорией стала команда юниоров. Это был август 1991 года.

Я явился в клоггах и бермудах, очень спортивный – возможно, даже слишком. После собрания я отправился на стадион «Эннио Тардини», взять сумку с формой. Я немного волновался из-за того, что придется познакомиться со многими новыми людьми, но совершенно не грустил, как другие мои друзья, которые уезжали играть по Италии и бросали свою семью.

Из «Тардини» на автобусах команды мы поехали на поле Стюард, базу юниорской команды «Пармы». Я помахал родителям из окна. Они стояли на площади перед стадионом.

Мне было тринадцать лет, я только получил свои документы для игры за юниоров в команде Серии А. Я еще ни разу не целовался, у меня еще не было девушки. Но меня это не напрягало.

Я был вратарем. Номер один. Тогда это был всего лишь номер на моей футболке. Начало. Или обещание.

3
Крылья свободы
Бентивольо и Буффон, Италия вам аплодирует

Контролер ушел в другой вагон. Можно выходить. Сколько раз я ездил, закрывшись в туалете, потому что забыл билет, или перепутал направление (как в тот раз), или из-за нехватки денег, или просто так? Надо сосчитать, для статистики. Отбитые пенальти, пропущенные голы, сэйвы, поездки без билета.

Мы снова были в купе, я и трое моих друзей – Морелло, Феррарини и Маньяни. Внезапно дверь купе отъехала в сторону. Ф-у-у-у-у. Это не контролер, это парень с девушкой. Симпатичные. Мы возвращаемся из Рима в Парму. Они спросили, не футболисты ли мы – на нас футболки команды. Мы сказали, что мы – ветераны чемпионата Европы для ребят младше пятнадцати лет в Турции. И тут парень просиял:

– Да, я читал в газете, там была статья… Там так хорошо писали про вратаря. Как его?.. Буффон, кажется.

– Это я.

Жаркий майский день 93-го – впервые в жизни меня догнала известность. Я ощутил прилив гордости, но и ощущение, что что-то изменилось, что-то новое вошло в мою жизнь. Но я чувствовал, что я на верном пути.

Два года назад я помахал родителям из окна автобуса. Меня охватили эмоции, когда вратари строились перед тренерами. У меня за плечами был всего год игры вратарем и еще не было хорошей техники. Мне отчасти было страшно. Все изменилось – и футбол, и вся жизнь.

Я оставил дом и семью, чтобы жить в пансионе. «Мария Луиджия» – прямо напротив «Эннио Тардини», стадиона «Пармы».

В первый вечер моими соседями по комнате стали Андреа Тальяпьетра, Стеве Балланти, с которым мы до сих пор дружим и время от времени созваниваемся, и Антонио Вентурини. С Антонио мы жили в комнате на двоих два месяца, потом он вернулся домой. Он скучал по семье.

В самом начале я тоже не очень радовался. Само слово «пансион» не вызывает позитивных чувств. Со временем, правда, начинаешь его любить, потому что чувствуешь себя «социализированным». Это выражение осталось в моей памяти после фильма «Крылья свободы» – прекрасного фильма, который

рассказывает о жизни в тюрьме. Совсем другая история, гораздо худшие условия, но правила так же влияют на тебя и помогают тебе больше стать самим собой.

В пансионе ты сталкиваешься с людьми, у которых серьезные проблемы и которые могут разрушить жизнь даже тех, кто изначально переполнен самыми благими намерениями. У многих ребят была тяжелая семейная ситуация: отцы в тюрьме, матери в расстройстве. Некоторые злоупотребляли – курили или что похуже. Там были и хулиганы, но с ними, к счастью, мне не доводилось встречаться. Некоторые хотели командовать, раздавать приказы для демонстрации своего превосходства, так как не были уверены в себе и старались создать эту уверенность искусственно. Я физически был самым большим и сильным и, хотя это и нереально, старался быть со всеми в хороших отношениях, никогда не поддерживал наглецов и тех, кто пытался доминировать над другими. Если кто хотел взять верх надо мной, ему хватало секунды, чтобы понять, что этого делать не стоит.

Мне было столько же лет, сколько им, и каждый возраст своей жизни я прожил сполна. Я имею в виду, что делал некоторые глупости – например, курил в четырнадцать лет. Сейчас это может показаться ерундой, но тогда на нас это плохо отразилось – мы приучились к вещам и похуже, и все было нипочем. Мы ходили к тем, кто мог нам скрутить косяк. Возможно, тогда, много лет назад, я и сделал пару затяжек. Достаточно для положительного теста на допинг – который, к счастью, не делают на чемпионатах юниоров.

Но пансион – это хорошая школа жизни. Не в смысле плохого опыта, а в смысле умения избегать плохого и учиться пониманию, насколько важно образование, которое ты получаешь. Если я сделал глупость, я уже ее не повторю.

Иногда я вспоминаю то время, перебирая в памяти лица ребят и встречи, случившиеся на моем пути. Люди, которым не удалось стать футболистами, но они были там со мной в течение четырех или пяти лет. Они занимаются чем-то другим, работают на вполне уважаемой работе, но не на той, ради которой трудились годами.

Когда я об этом думаю, я всегда прихожу к заключению: все, что у меня есть, – следствие тех жертв, которые я приносил, а не того, что я делаю сейчас.

И я жил по привычному распорядку. Подъем, завтрак, обед в час дня, в 13.45 автобус на тренировку. Я глотал, не жуя. День за днем, каждый день, кроме свободных часов в субботу после обеда или в воскресенье, когда можно было, если хочешь, сходить посмотреть на домашние матчи «Пармы».

Девушки? Ну… Они были в школе, но времени на них не было. Такая жизнь. Жизнь, где граница между зрелостью и незрелостью очень тонкая, и ошибки можно избежать благодаря незначительной детали.

Мы играли в провинциальном чемпионате, и это не было слишком трудно. Играли против приходских команд. Нечем было себя проявить. Примерно в феврале был тест – товарищеский матч. Такой матч, на который приходят посмотреть молодых игроков – вроде того, на котором просматривали меня. Там был вратарь моего возраста, были менеджеры клубов и тренеры. Я немного выпендривался, чтобы показать, что у меня нет соперников, и пропустил дурацкий гол.

На выходе с поля меня остановил Фабрицио Ларини, ответственный за юниорскую команду:

– Попытайся измениться, иначе вернешься домой.

Это было всего лишь предупреждение, но для меня оно прозвучало как гром среди ясного неба. Внезапно я понял, что, несмотря на то что я был мальчиком, а это была всего лишь игра, в ней уже появились профессиональные правила. Я вошел в мир работы, почти сам того не заметив. Это были соревнования. Через месяц мы поедем играть на турнир в Геную, в Молассану, против «Дженоа», «Сампдории», «Энтеллы», команды Кьявари.

Мы выиграли финал у «Дженоа», я отразил три пенальти и сам забил: в команде я еще был и лучшим пенальтистом. Я продолжал бить пенальти, пока не стал профессионалом, и не случайно тем памятным вечером в Берлине мне предложили выйти и забить. Я перестал только сейчас, потому что появились отличные пенальтисты, но я всегда готов подойти к точке, если понадобится.

В тот день в Молассане меня наградили как лучшего вратаря, и это был поворот: я начал ощущать поддержку и доверие тренеров.

Тогда моим тренером был Эрмес Полли, по прозвищу «почтальон», миф Пармы: более тридцати матчей в футболке с крестами. Он работал на двух работах: играл в футбол и разносил почту.

В июне я окончил среднюю школу и записался в лицей в Бодони. В пансионе можно было учиться, как в гимназии, но я этот вариант даже не рассматривал. Так было тяжелее – нужно было ходить в другую школу, у меня было очень мало времени на себя, но я хотя бы менял обстановку.

Кончилась и моя анонимность – я начал светиться в национальной сборной, меня позвал Серджио Ватта, тренер команды ребят младше 15 лет. Мы летим в Глазго, этой мой

второй, и самый долгий на тот момент, полет на самолете. Это была квалификация на чемпионат Европы, который должен был пройти в Турции.

Мои надежды, мои мечты воплощались в жизнь, становились реальностью, их можно было ощутить и потрогать. В Турции в мае 93-го мы дошли до финала, где нас разгромила Польша. Там был Франческо Тотти – точно такой же, как сейчас, там был Виджани, который играет в «Реджине», там были мои друзья из «Пармы» – те самые, из поезда, без билета.

В Турции в четверть- и полуфинале были пенальти, и я сделал все, что мог: в матче с Испанией я отразил два и сам забил один, в матче с Чехией я сам промахнулся, но сумел взять три пенальти. Именно тогда в «Газзетта делло Спорт» был заголовок на первой странице:

БЕНТИВОЛЬО И БУФФОН,
ИТАЛИЯ ВАМ АПЛОДИРУЕТ

Это был мой первый газетный заголовок, и я разделил его с девушкой, Франческой Бентиволью, которая была старше меня на год, молодой теннисисткой, которая в эти дни, начав с квалификаций, дошла до четвертьфинала Открытого чемпионата Италии в Риме. Франческа рано оставила теннис, предпочтя заняться другими делами.

Какая странная судьба! Вернувшись в Италию, мы остановились в Риме в гостях у Мауро Владовича, теперь секретаря федерации футбола. Он дал нам билеты на матч «Рома» – «Торино» (5–4 по пенальти, такой результат невозможно забыть), и я прошел как раз мимо Форума, где моя «сестра по заголовку» принимала свою порцию славы.

Я, как всегда, смотрел матч за воротами. Если как вратарь я только начал расправлять крылья, то как болельщик я к тому времени был профессионалом.

4
Болельщик в косухе
Мои выходные за воротами

Пятьдесят лиц подозрительно посмотрели на меня, когда я сел за воротами на стадионе в Болонье. Думаю, только они и смотрели на меня на этом бетонном поле – я появился внезапно, непредсказуемо. После всего пережитого риска было бы достойным завершением, если бы меня негативно приняли или, хуже, попытались бы побить. Я всего несколько раз в жизни так боялся. На каждом шагу я проверял, не вывалился ли транспарант из рюкзака. Если бы его нашли, мне бы не поздоровилось.

«Болонья» – «Карраре зе», любое зимнее воскресенье. Одно из моих болельщицких воскресений фаната «Карраре зе». Я выехал из Пармы, сам того не ожидая. Я часто делал это в годы пансиона, прежде чем стал играть в Серии А, а иногда и после этого. Почти всегда один, но пару раз затаскивал с собой и друзей – как однажды на дерби в Масса. Для меня было огромной радостью взять с собой за ворота еще четырех ребят, на четырех болельщиков «Карраре зе» больше. На матчах, о которых объявляли афиши, было и по пять-шесть тысяч человек, но на обычных на стадионе было немного народа, и так даже лучше.

Мы сделали плакат в пансионе.

Там было написано: «КУИТ – сектор Парма». КУИТ – Команда Ультрас Индейские Войска (Commando Ultrà Indian Troops) – аббревиатура болельщиков «Карраре зе», которая до сих пор написана на моих перчатках. И транспарант в моем рюкзаке, когда я один, как обычно, направляюсь в Болонью. На мне джинсы и косуха. И все. На голое тело.

Был февраль, не так уж и тепло. Но я был (и до сих пор остаюсь, в некотором отношении) таким.

Была забастовка на железной дороге, и я до последнего сомневался, ехать или нет. Потом сказал себе: «Ладно, поеду». Я приехал на вокзал и бегом успел на поезд до Лечче, прямой поезд, единственный за не знаю сколько времени. Он был весь забит людьми. В Болонье я не знал, как добраться до стадиона. В конце концов пошел пешком. Дорога все не кончалась и не кончалась. Как и во всех пережитых мной приключениях, я пришел на стадион не с той стороны – то есть со стороны ворот «Болоньи». Сначала для «Каррары» все шло не очень хорошо. Судейство было так себе, были стычки. Потом мы объединились

со «СПАЛ» из Феррары. Феррара и Болонья исторически совсем не друзья.

И да, мне было страшно, как каждому, кто попал в такое место, где ты оказываешься единственным не похожим на других, единственным представителем другого племени. Даже если ты всего лишь точка в толпе, тебе кажется, что все смотрят только на тебя, как на чужака в Пертегаде. В тусовке за воротами все друг друга знают.

Я шел крадучись, делая вид, что мне все равно, и дошел до билетного окошка. Я сел за ворота и оказался перед стеной подозрительных лиц. Пятьдесят болельщиков «Карраресе» прибыли на автобусе вместе и не предполагали, что еще кто-то появится в это воскресенье. Наконец кто-то меня узнал. Меня начали хлопать по плечу. После матча мне даже удалось избежать привычной поездки в туалете поезда: меня довезли до Пармы.

Сколько я так ездил? Часто. Я был в Сесто Сан Джованни, в Вероне, в Римини, в Монтеварки, даже в Альцано, в провинции Бергамо в тот год, когда «Альцано» играл в Серии Б. В субботу я иногда прогуливал школу: неделю – да, неделю – нет. В пансионе нас проверяли, в школе – нет, я же хитрец, я пошел в другую школу.

Я ездил не обязательно только на «Карраресе». Иногда, если я не мог вернуться домой, если поездки были слишком долгими или я должен был выехать слишком рано или вернуться слишком поздно, я ехал в Реджо Эмилию, в старый «Мирабелло». Но не со стороны «Реджаны», а со стороны гостей.

Мне всегда нравились те, кто в меньшинстве. Я помню легендарный матч «Реджана» – «Казертана». Но не из-за матча, а из-за ста пятидесяти болельщиков «Казертаны». Фантастические люди. Они все курили. Никогда в жизни не видел столько дыма. Курили даже малыши в колясках. Я могу так сказать? Я так сказал.

Я продолжал болеть за «Карраресе» даже после того, как начал играть в своей первой команде. Мне пришлось ограничивать себя, когда я стал знаменитым. Однажды я на машине поехал из Каррары в Монтеварки.

Одна из последних поездок в качестве болельщика состоялась, когда я уже носил синюю майку. В субботу мы играли в Белоруссии, а в воскресенье я взял машину и уехал в Феррару. Там был праздник, и я вошел на поле со знаменем, как делают, когда братаются болельщики. Даже есть фото, запечатлевшее этот момент.

Я помню, как мой отец говорил: «Что это такое – ультрас? Что за преувеличение?» Он поддерживал болельщиков, но ненавидел

крайности.

А я? Сегодня я далеко ушел от того мальчика, которым был, но я счастлив, что был таким. Играл, развлекался, жил своим возрастом. Конечно, у меня была и девушка. Валентина. Я познакомился с ней на пляже, а где еще можно познакомиться? Я учился в школе, а она была вся такая правильная. Возможно, слишком правильная для меня. Отличные оценки, страсть к танцу. Мы были вместе три года, но если видишься раз в две недели, отношения поддерживать легче, потому что проблем не видно. Потом, конечно, все закончилось.

В конце подросткового возраста многое заканчивается, ты меняешь кожу, некоторые аспекты жизни, которые казались важными, становятся второстепенными, некоторые привычки становятся слишком обременяющими или слишком ненужными. Так и кончилась моя жизнь «ультрас». Никогда не думал, что я буду расплачиваться за эти детские увлечения, когда уже стану известным игроком национальной сборной. Но это случилось во Флоренции много лет спустя. Это был кубковый матч «Фиорентина» – «Парма», и я не играл. Я не помню, была ли у меня травма, но скорее всего, в Кубке Италии я просто уступил место резервному вратарю, как это часто бывает. Я приехал на матч сам на своей машине, у меня тогда был «Порше». Я поставил ее на подземную парковку Франки и спокойно пошел на матч. Проблемы начались в конце, когда я вышел и оказался на улице, перегороженной болельщиками «Фиорентины». Я поговорил с ними, и они провели меня на другую сторону стадиона, в зону, где были автобусы поклонников «Пармы», которые оцепила полиция на выезде на дорогу. Многие меня знали, поздоровались со мной. У одного из них, Вольпо, лицо было в крови из-за брошенных в него другими болельщиками предметов. Я сказал ему: «Давай я тебя подвезу, так ты быстрее попадешь домой». Пока мы ехали вдоль кортежа, некоторые автобусы, что были впереди, остановились, из них вышли болельщики, чтобы подраться с противниками. Вольпо, хотя ему уже и так досталось, не смог сдержаться и выпрыгнул из моей машины, чтобы помочь товарищам.

И тут случилась беда. На выезде стояла полиция, которая останавливала машины и искала тех, кто участвовал в драке. У них было описание моей машины, и они направились ко мне и Вольпо. Мы оба вышли из машины, но он, уже привыкший к таким ситуациям, ускользнул быстрее, чем я это заметил. А я попал в довольно-таки неприятную ситуацию, прежде чем меня узнали. По крайней мере, так они говорили потом. На самом деле они отлично знали, кто в машине. Я наконец освободился, но эта

безумная ночь никак не заканчивалась. В переулке меня ждал сам Вольпо. Я снова позвал его в машину, и мы как ни в чем не бывало еще пошли на дискотеку. На следующий день какой-то журналист написал, что я ездил в рейд с болельщиками «Пармы». Фантастика.

Это было мое самое позднее приключение с болельщиками. Оно, конечно, связано с моими ранними похождениями болельщика-ультрас.

Сейчас мне это кажется таким далеким. А тогда было весело.

В тот период жизни – думаю, как и все, – я переживал новизну, удивление, дебют. Я не знал, что мне делать до двадцати лет, когда мне предсказали вход в Серию А, вот и пытался как-то скоротать время.

5
Дебюты
Сон (или видение) о правде

Между гостиницей и стадионом, между семнадцатилетним парнем и дебютом в Серии А в самом важном матче дня – меньше десяти минут на автобусе.

Или мне это снится.

Мои друзья не могут успокоиться, они волнуются за того парня, который встанет на воротах. Справится ли?

Мне всегда нравилось спать. Иногда за это приходилось расплачиваться другим. Несколько лет спустя после того ноябрьского воскресенья, когда у меня уже были победы, я должен был сесть на самолет до Рима с «Пармой» в 10 утра. Я большой друг Симона Бароне, который сейчас играет в «Торино». Я провожал его в Альцано, когда он подписал контракт. Тогда случился забавный эпизод. Президент «Альцано» вызвал местного журналиста:

– Посмотри на наше новое приобретение.

Он приехал. Он не знал, кто такой Бароне, а меня узнал и впал в ступор. Его лицо побледнело, он пробормотал:

– Боже, мы взяли Буффона!

Я посмотрел на него:

– Буффона – нет, а друга Буффона – да.

Я представил ему Бароне. Мы вместе выросли в молодежной команде «Пармы» и часто встречались. Я приходил ужинать к нему, он – ко мне. Для этого трансфера его впервые позвали в команду. Он был впечатлен. Я сказал ему:

– Спокойно. Завтра я заеду за тобой в девять.

Самолет вылетал в десять.

Симоне был пунктуален. Я, скажем так, не очень. В 8.50 он уже стоял на дороге и ждал меня. В 9.05 он заволновался, в 9.15 встревожился, в 9.30 отчаялся. Разбудить меня ему удалось в 9.35. У меня тогда был «Фиат» модели «Баркетта». Я заехал за ним в 9.50, и мы сели в самолет, который уже рулил на взлетной полосе, в 10.10. Я помню, что я приехал в тапочках, сам того не заметив, и напряженная атмосфера разрядилась смехом. Правда, Анчелотти и его зам Часкини стыдили Симоне:

– Безобразие, с чего ты начинаешь!

Я такой, как и мой агент Сильвано Мартина. Может быть,

потому, что он тоже был вратарем, как я, а у всех вратарей есть эта свобода, это неуважение к расписанию. Думаю, это часть нашей роли в команде, нашей магии, нашего отличия.

Сильвано и я познакомились на турнире в Виареджо. Я был на поле и шел с товарищем. Он спросил, где я, ему показали на пару, идущую мимо. И он направился к моему другу:

– Привет, Джиджи, я Сильвано Мартина.

Мой друг засмеялся, потом указал на меня:

– Это он Буффон.

Через некоторое время Сильвано сказал мне, что я шел весь сгорбленный, с сонным лицом, и его первое впечатление было негативным: он даже не мог поверить, что это то самое молодое дарование, которое ему обещали. Сильвано сначала поговорил со мной, потом с моим отцом. Сначала с моим отцом были некоторые проблемы в общении из-за его свободного отношения ко времени.

В одну из первых встреч Мартина ему сказал:

– Я перезвоню в пятницу.

И не появился.

В понедельник мой отец позвонил Сильвано домой. Его не было, ответила его жена Антонелла, которая понятия не имела, кто мой отец.

– Это Буффон, скажите своему мужу, что так не делается!

И бросил трубку.

Сейчас у моего отца с Сильвано прекрасные доверительные отношения. В этом смысле я учился у своего отца – он принадлежит к тому поколению, для которого данное слово значит больше, чем договор. У Сильвано нет моей доверенности. Все наши взаимоотношения – только на словах. В отличие от многих я не верю, что игрока создает агент. Если игрок есть, то он есть. Агент должен служить посредником. Для меня Сильвано. Моя подушка безопасности между мной и моим безумием. Как в то воскресное утро Невио Скала объявил мне, что я буду играть против «Милана».

Сильвано позвонил мне в полдень. В данном случае он был не посредником, а успокоительным:

– Дыши. Еще… расслабься. Дыши, еще дыши.

Прежде чем рассказать об этом воскресенье, которое изменило мою жизнь и мою карьеру, нужно сделать шаг назад.

Я начал играть в основной команде «Пармы» в 1994-м. Мне было шестнадцать лет, и я начал играть, потому что игрок основного состава Лука Буччи был на чемпионате мира, а потом собирался в отпуск. Мой выход состоялся в Фольгарии.

Боюсь, что из-за меня в те дни Невио Скала ходил к

психоаналитику. Я был недисциплинированным бунтарем. Мне было всего шестнадцать, но я не хотел позволять тридцатилетним командовать мной. Я дерзил своим более «старым» товарищам. (Думаю, это сопротивление «дедовщине» выработалось в дни воспитания в пансионе.) Всегда дерзил. Скала смотрел на меня широко открытыми глазами. «Это нормально?» – говорил его взгляд.

Я заставил немало понервничать и Лоренцо Минотти, моего капитана в те годы. Он пытался сдерживать меня, но все время страдал от моего ужасного подросткового поведения.

Я не уверен, это всего лишь ощущение, но мне кажется, что кто-то из старших одноклубников ходил к руководителям клуба и просил меня убрать. Генеральный директор Пасторелло вызывал меня к себе и призывал к порядку.

В 1995-м я стал уже частью основной команды на постоянной основе. Мы ездили в турне по Соединенным Штатам и Канаде, и я все время делал все наперекор Скале.

Однажды я жил в отеле, рядом с которым было поле для гольфа.

– Пожалуйста, не трогайте электрокары, – попросил тренер.

Угадайте, кого же он первого увидел рассекающим по полю? Вашего покорного слугу.

На Ниагарском водопаде, прежде чем мы вышли из автобуса, он предупредил нас:

– Не ешьте всякую ерунду.

И кто же попался с мороженым, огромным, как факел Статуи Свободы? Конечно, опять ваш покорный слуга.

Он штрафовал меня на миллион. Меня, который зарабатывал двести тысяч лир в месяц. Я смеялся и говорил секретарю:

– Запишите все на мой счет.

Вот таким я был. Иногда приходил Стефано Танци пообщаться с игроками. Все уважительно называли его на «вы».

Я хлопал его по плечу:

– Сте, привет, как дела?

Он был парнем чуть постарше меня, очень умным.

– Я сказал отцу, что ты самый симпатичный в команде.

Взрослым, как учил меня отец, я всегда говорил «вы». Но он был почти моим сверстником, и тот факт, что он хозяин клуба, не имел никакого значения.

В последнем матче турне мы вели 5–0. На воротах стоял Джованни Галли. До конца оставалось десять минут. Танци сказал Скала:

– Поставь парня.

Все выходили на поле, я практически один сидел на

скамейке. Единственный, кто за весь турнир вообще не играл.

Скала повернулся ко мне:

– Разминайся.

Я посмотрел на него самым противным взглядом:

– Пока я разминаюсь, матч как раз кончится.

– Выведите его на поле, – максимально сухо сказал тренер. Я, просидевший на скамейке целый месяц, пропустил два мяча и отвратительно себя показал. Если бы матч продлился еще десять минут, соперник сравнял бы счет.

Если бы в тот день на выходе с поля мне бы сказали, что через четыре или пять месяцев я буду дебютировать в Серии А, я бы не только не поверил, но и назвал бы сумасшедшим того, кто это предположил.

Но я оказался в том автобусе мечты. Как это случилось? В начале сезона второй вратарь, Джованни Галли, ушел. По договору он должен был играть в Кубке Италии, но Скала не поставил его в первом матче, и он собрал чемоданы. Взяли Алессандро Ниста – одного из моих лучших друзей теперь, но он почти сразу получил серьезную травму. Потом, на матче Кубка УЕФА, травмировался Буччи.

Я предвидел, что буду играть против «Милана». Я надеялся на это, когда никто, кроме меня, не верил. Но в ту неделю я тренировался, как сумасшедший, – сверхурочные тренировки, на поле выходил сосредоточенный и серьезный, ни в чем не ошибался. Так что в то воскресное утро Скала мне позвонил и сказал, что я буду играть.

Мои товарищи беспокоились, а когда я уснул в автобусе, их это вряд ли успокоило.

Но я был таким. Думаю, если бы у меня был другой характер, я бы не вошел в мир футбола. Я хотел прожить свою жизнь молодого человека до конца. Если бы сейчас я вел себя так, ничего бы не получилось, я бы не добился результата, это была бы моя ахиллесова пята. Но именно эта неосознанность мне очень помогала. Я помню, что моя мать думала так же. Когда болельщик соперников после моего провокационного движения крикнул ей на стадионе:

– Вы должны стыдиться своего сына!

Она ответила:

– Ему всего восемнадцать.

Другой крикнул:

– Но он зарабатывает миллиарды!

Она заткнула и его:

– Сколько бы он ни зарабатывал, все так себя ведут в восемнадцать.

Я спокойно переоделся в раздевалке «Тардини» и только тогда начал немного волноваться. Мне помогли «Криппоне» – Массимо Криппа и Алессандро Мелли, замечательные ребята с таким же позитивным характером, как у меня. Значит ли это, что они были немного незрелыми, как я? Наверное.

– Джиджи, все в порядке?

Вполне. Я очень хотел показать себя как вратарь, не мог дождаться, пока арбитр засвистит, чтобы показать мои способности. Я не мог дождаться, когда же люди будут показывать на меня и говорить: «Это Буффон!»

Соперники из «Милана» тоже были очень вежливы. Паоло Мальдини посмотрел на меня и пожелал «ни пуха ни пера». Пануччи был милым, а Стеба Росси, их вратарь, меня удивил. Все говорили о нем как о грубияне, а он был очень вежливым, подбодрил меня и показал себя как очень понимающий человек.

Я встал в ворота под непонимающими взглядами болельщиков. Мой выход сопровождался вялыми аплодисментами. Но это была единственная вялая вещь в том матче. Я совершил четыре, пять сенсационных сэйва, решительно и быстро. Мне еще и немного повезло. Но свою удачу надо искать.

Счет матча так и не был открыт, а я теперь больше не был мальчиком. Я выходил в семи матчах до рождественских каникул, и первые три были против «Милана», «Юве» и «Наполи» (в Неаполе). Дело не для трусов, но мне всегда нравились сложные задачи. С «Юве» я пропустил первый гол в Серии А, от Чиро Феррары.

Вот история моего дебюта. Дебюта, оставившего у меня неизгладимые воспоминания и странную пустоту в хрониках – на месте моего лица на официальных фотографиях матча. Это тайна, которую можно расследовать в специальной ТВ-программе. Правда, разгадка детектива очень проста – я, привыкший к матчам «Примаверы», после приветствий и выбора ворот сразу же шел на свое место.

Так что на групповом снимке матча «Парма» – «Милан» 19 ноября 1995 года вратаря нет.

К счастью – моему и команды, – он был в воротах.

6
Римские камни
Веспа, таблетка и верблюд в игольном ушке

Я в машине с Сильвано, мы возвращаемся с собрания, на котором я подписал свой первый (настоящий) контракт с «Пармой»: триста миллионов лир за пять лет. Сильвано говорит мне:

– Ты только что решил все свои жизненные проблемы. Я столько за тридцать лет не заработал.

В восемнадцать лет некоторые слова словно высекаются в камне и запоминаются на всю жизнь. Эта фраза – точнее, то, что в ней заключается, – отношение к деньгам, то есть отношение, если кто не заметил, и к другим людям, – всегда возвращается ко мне как важный момент и одно из самых трудных решений в моей жизни. По-моему, если деньги тебя меняют и ты начинаешь иначе общаться с людьми, ты ничего не понял в этой жизни. У меня всегда были неплохие отношения с деньгами. Я считаю, что они нужны для того, чтобы улучшить жизненные условия. Но твое счастье – это то, что ты ценишь, это выбор, который ты делаешь в тех или иных ситуациях. Я не жадный и никогда не был особенно привязан к деньгам. Скажу больше – если бы все богатые люди (а я считаю себя богатым) вели себя, как я, мир стал бы лучше и было бы меньше зависти. Может быть, мне и не удалось протолкнуть верблюда в игольное ушко, но по крайней мере я постарался это сделать.

По этому поводу Сильвано всегда говорит мне: «Ты единственный футболист, который никогда не разыскивает меня, чтобы спросить о контракте». Кто-то скажет: конечно, тебе легко, ты же Буффон. Конечно. И я могу быть спокоен. Но не думаю, что многие на моем месте вели бы себя так же.

По-моему, важно совсем другое. Я приведу пример. Я и мои сестры достаточно рано покинули родительский дом. Гвендалина выигрывала скудетто и Кубок чемпионов в волейболе, Вероника также занимается волейболом. С ней у нас более тесная связь. Родители часто говорят: «У нас трое детей, но мы совсем не насладились родительством». Когда дети так рано взрослеют, что могут сделать мать и отец? Они могут передать детей в руки Бога. Моя мать очень верующий человек. Отец тоже, хотя по нему это не так заметно.

Хотя я и ушел из дома в тринадцать лет, у меня остались определенные принципы.

Я помню, как был на школьной дискотеке, когда мне было семнадцать. Мы танцевали, и я, как всегда, отрывался по полной. В какой-то момент мой друг повернулся ко мне и поднес руку к моему рту. Я на три секунды замер, не дыша. На моих губах была таблетка. Я взял ее в руки и швырнул ему в лицо.

Жизненные пути неисповедимы, и часто оказываешься на перекрестке. Нужно немного удачи, чтобы пойти по верной дороге, но каждый выбирает свой путь, сам строит свою судьбу. Возможно, со многими случалось то же самое, и они проглатывали эту таблетку, даже не задумываясь, что делают что-то плохое. Такое бывает. Того парня я больше не видел. А через три года он умер от передоза.

К вопросу о судьбе: вернемся в то ноябрьское воскресенье, когда я в семнадцать лет вышел в свой первый матч Серии А против «Милана». Я был счастлив, мой сон сбылся, обо мне узнали. После матча я вернулся в Каррару, и эмоции во мне кипели с удвоенной силой. Не только из-за дебюта, но и из-за того, что это был не просто обычный выход на поле. Произошло нечто экстраординарное. Мой отец смотрел, как я играю.

– Неужели это ты так прилично выступил?

Кому-то слово «прилично» покажется недостаточным, но я хорошо знаю своего отца. Он скуповат на комплименты, и в его устах это звучит как желание сказать, что он мной гордится. Так я понял, что нахожусь на приличном – правильном – пути. И спасибо ему, что я вырос в той спортивной атмосфере, в которой ценится уважение и умение выкладываться. Где вся жизнь – матчи и тренировки.

«Играй и молчи». Работай, жертвуй собой, на комплименты будет время потом.

Место было зарезервировано за спортсменом из основного состава. После моего выхода, когда вернулся Буччи, я бы соврал, если бы сказал, что счастлив вернуться в юношескую «Примаверу». На самом деле я даже сейчас понимаю, как нескромно с моей стороны было претендовать на это место. Буччи был игроком национальной сборной. Произошедшего было вполне достаточно: в семнадцать лет у меня вряд ли хватило бы психологической силы выдержать до конца сезона. Или хватило бы. Не важно.

Так что я поехал в Виареджо, где в самом первом матче был удален с поля. Я поймал мяч ногами и грудью, арбитр увидел в этом нарушение и выгнал меня. Можно сказать честно? Я выпендривался как самый знаменитый вратарь. Если мое имя уже

не пишется в составе команды Серии А, то и с замечаниями я справлюсь. В общем, не считая дисквалификации, я вернулся на свое место, и мы дошли до финала. В четвертьфинале мы победили «Фиорентину» (три из трех пенальти я отразил и один забил), в полуфинале – «Лацио» (отбил два и один забил). А в финале мы проиграли «Брешии». Тот матч… лучше забыть. Уже через десять минут после начала на поле у нас осталось девять человек. Как только я вижу арбитра Тренталанже, я ему это напоминаю. Конечно, сейчас это уже шутка. Как только он меня видит, он сразу делает смирившееся лицо: «Ты меня опять спросишь о том матче в Виареджо?»

После рождественских каникул конца 1995-го я еще пару раз выходил на поле до конца чемпионата.

В январе я поехал к Пасторелло и спросил, может ли он одолжить мне семьсот тысяч лир, чтобы купить мопед «Веспа». А он мне его подарил. Сейчас клубы строго смотрят на мопеды, а тогда они закрывали на это глаз – даже оба глаза. Без своей «Веспы» я бы никогда не приезжал вовремя на тренировки. Это была пятисотая модель белого цвета с форсированным движком объемом 80 см^3. На мопедах тогда еще ездили без шлема. Он до сих пор стоит у меня в Карраре, и время от времени я его навещаю.

Я закрыл сезон на мопеде. В клубе заканчивалась эпоха Скалы. Пришел Карло Анчелотти. Карлетто был из Реджо-Эмилия, откуда он привел своего протеже, а его тренер – доверенного вратаря, Вильяма Векки, который хотел занять место Луки Буччи. Мне было восемнадцать лет, и я поднялся в иерархии: резервный вратарь, номер два.

Только была одна проблема. До этого момента я всегда играл среди юниоров, в юношеской команде, но я всегда выходил на поле. Я никогда не сидел на скамейке. По характеру я нуждаюсь в стимулах, мне нужно стоять в воротах, работать. И я пошел в клуб и попросил отпустить меня. Мне отказали, уговаривали остаться. Я сыграл в паре товарищеских матчей, но этого было недостаточно. Я вернулся в запас в начале чемпионата. Тогда я попросил своего друга Стефано Танци поговорить наедине. Впереди маячили «Верона», которая потом сдалась, и упорный «Дженоа». Я поговорил со Спартако Ландини, спортивным директором «Грифонов», моей любимой команды.

Танци-младший наложил вето, но я настаивал:

– Сте, сделай это для меня.

– Ну, если ты действительно этого хочешь, пожалуйста.

Так мы и сделали. Для новой «Пармы» год начался не очень хорошо. Поменялись руководители, технический персонал, даже

повар. А результатов не было. Я пришел на собеседование, и Сольяно, новый спортивный директор, пригласил меня в свой кабинет.

Сольяно посмотрел на меня и с лицом того, кто все знает, сказал: «Если ты решился, иди, но я бы на твоем месте остался». И я последовал его совету, поскольку Сильвано тоже меня очень убеждал остаться. По-моему, они что-то знали.

Мы проиграли домашний матч «Перудже», «Интеру» на «Сан-Сиро», и произошла рокировка. Я пришел на место Буччи, Каннаваро, начинавший как третий слева (кошмар, я до сих пор его иногда так подкалываю), перешел в центр, а компанию ему составил Тюрам.

На Рождество в гостях против «Милана» произошел перелом: забил Марионе Станич, который проводил отличный сезон, и мы начали великолепную кавалькаду, которая привела нас в матч за скудетто в Турине против «Юве», где счет был 1–1. По поводу пенальти черно-белых я – как болельщик «Юве», но и честный человек, привыкший говорить в лицо и называть вещи своими именами, – скажу, что можно поспорить. В итоге мы уступили «старой синьоре» два очка.

Мой «настоящий» дебют состоялся на матче «Фиорентина» – «Парма». Самый напряженный матч в моей жизни, хуже, чем финал Лиги чемпионов или чемпионата мира. Там я хотя бы знал, что открываю новую страницу. А это был чудесный матч для начала: отвратительный, без эмоций, со счетом 0–0, один раз попали в штангу, и все.

Итак, я в пути. И хочу сказать одну вещь: Буччи расплачивался не за свои ошибки. Команда играла плохо, а не вратарь. Но было именно так, потому что всегда все ищут ответственного. Этот сезон я запомню на всю жизнь, так как он научил меня важности командного духа и ощущения единства. У нас была скамейка ребят: Бароне, который мне больше не доверял и по утрам ездил на такси, Пинтон, Морелло и легендарный швед Томас Бролин, который вернулся в «Парму» на двенадцать килограммов тяжелее, чем был в первый свой приезд. Но мы были тем, чем должны были быть: командой.

Я проживал эти годы в радости. В здоровой радости и в гордости. Это были чудесные пять лет, которые я прожил на скорости триста километров в час по прямой. И когда я замечал, что достиг цели, которая слишком велика для моего возраста или для моей карьеры, я размышлял над этим, чтобы голова не закружилась от успехов.

– В девятнадцать лет я игрок основного состава – отлично.

Так на своем безумном пути я уже мечтал войти в

национальную сборную. В девятнадцать лет. Но в тот вечер, когда мне сказали, что время пришло, был единственный раз в моей жизни, когда я бы предпочел остаться на скамейке запасных. И я сделал все, чтобы от этого отказаться.

7
Москва – Турин
Русский холод и брюки со стрелками

Надеемся, что он вернется.

С этой мыслью я стоял под хлопьями снега, смотрел на обычные разговоры врача, массажистов и товарищей вокруг упавшего игрока. На бывшем стадионе имени Ленина собачий холод. На пресс-трибуну для итальянских журналистов накинули пленку. Я видел их наверху, им там тоже было несладко. Они все закутались.

Россия – Италия, 29 октября 1997 года, решающий матч в отборочном цикле к чемпионату мира во Франции. Я начал выступать в национальной сборной осенью 96-го. Вновь из-за травмы, на сей раз – Анджело Перуцци. Мы были в Молдове на матче сборных до 21 года, и меня попросили остаться на матч национальной команды, потому что он травмировался. Там был Арриго Сакки. Это была наша первая встреча.

С января 1997-го я начал регулярно выходить в составе национальной сборной Италии. Основным вратарем был Перуцци, его сменщиком – Пальюка, потом я. Но Перуцци часто получал травмы. В Москву поехали Пальюка и я.

А Пальюка и есть лежащий на земле игрок. Черт! Как холодно! Я всегда рад играть, но в тот раз я смотрел на группу людей у ворот нашей команды и надеялся, что столкновение с Канчельскисом, русским из «Фиорентины», было для моего коллеги не таким серьезным. Для него. И для меня. Самые ужасные условия для дебюта: сложный матч, неблагоприятный климат. Холод во всех смыслах. Одно дело – дебютировать в составе «Пармы», другое – чувствовать на своих плечах вес национальной сборной.

– Разминайся, – сказал Чезаре Мальдини, главный тренер после ухода Сакки год назад.

«Да сейчас, может, он еще выйдет», – мысленно ответил я ему. И не двинулся с места.

Прошло много времени – как минимум для меня. На самом деле через пару минут врач подал знак, что Пальюку необходимо заменить. Мальдини повернулся и посмотрел на меня – я так и сидел на скамейке, закутанный в плед.

– Ты размялся или нет?

– Мистер, я готов, – ответил я на сей раз не только мысленно

и вышел на поле в шортах и майке (я никогда не надеваю длинную форму, даже в полярных условиях. Но надо признаться, что и я не феномен. Если идет сильный дождь, как в Шотландии в 2007-м, я поддеваю дождевик под футболку).

И я вышел на поле. Мне было страшно. За секунду меня успел подбодрить Костакурта, потом, прямо передо мной, был мой верный Канна.

– Спокойно, Джиджи, – прошептал мне Фабио. – Как всегда.

Чтобы успокоиться, я вспомнил, что именно он забил первый гол, который я пропустил в составе национальной сборной. Автогол Каннаваро. Весь второй тайм у меня были ледяные ноги, и я считал секунды до конца. Я так окостенел, что почти не выходил за пределы ворот, и русские в определенный момент сгруппировались у ворот, чтобы попытаться подловить меня за скупые передвижения. Но матч закончился так же – 1–1 (в Неаполе была победа 1–0), и Италия прошла на чемпионат мира. В общем, отличный дебют и хорошие воспоминания о Москве.

Я часто слышу по поводу ребят, вошедших в запасной состав клуба или сборной, такую фразу: «Возьмем с собой парня, пусть набирается опыта». Сейчас, оглядываясь на то, как развивалась моя спортивная карьера, я думаю, что побывать на чемпионате мира, даже сидя на скамейке запасных, было просто необходимо.

В 98-м я не был готов к таким матчам. Как минимум внутри себя. Я понял это в тот день, когда Италия вышла на поле стадиона в Бордо. Хор голосов, цвета, эмоции. Невероятно.

– Хорошо, что я на скамейке, – сказал я себе.

Перуцци был травмирован, на чемпионате мира выступал Пальюка, сменить его могли я и Франческо Тольдо. И это было хорошо. Мне было важно быть там, но без ответственности за игру. Я научился ждать, я собирал капитал на будущее, набирался опыта.

На самом деле я и сам менялся. В те годы – которые, как впоследствии оказалось, были лучшими годами в «Парме», я однажды оказался на ужине на вилле Танци, среди всех этих людей в костюмах и галстуках, в синих брюках со стрелками. Стефано Танци до сих пор вспоминает: «Единственный игрок, которого мне жаль отпускать, – это Джиджи».

Глядя с высоты своего опыта, я понимаю, что Франция дала мне позитивный опыт, но сидеть на скамейке тоже было не очень приятно. Однажды, не знаю почему, я задолбался. После второго или третьего матча я больше не хотел тренироваться. Мальдини это заметил и наорал на меня.

– Мистер, я не хочу.

Мне забивали, а я не реагировал. Мои товарищи

тренировались, а я стоял в воротах как статуя из рождественского вертепа.

– Валяй! – приказал мне Мальдини.

– Нет.

– Тогда иди прими душ.

И я пошел, не заставляя его повторять два раза. Он остался там, застывший, как камень.

Вечером я извинился. Мальдини улыбнулся и послал меня «в пень», как он выражался. Чезароне проклинает всех, кто с ним не согласен, но он понял, что, в сущности, я был еще мальчиком. Мне до сих пор стыдно за этот эпизод и за другие вещи, которые я вытворял.

На чемпионате мира мы в четвертьфинале проиграли Франции по пенальти. Поменялся наш технический руководитель: вместо Чезароне Мальдини пришел Дино Дзофф. Когда технический руководитель – бывший легендарный вратарь, все задают себе только один вопрос: кого же он поставит в ворота?

В сентябре 1998-го, в Удине, на матче против Швейцарии (2–0 и дубль Дель Пьеро) Дзофф дал ответ: в ворота Италии встал я. С того момента я оставлял их только из-за травмы.

И началась эра Буффона. Я начал выигрывать и в составе «Пармы»: Кубок Италии, Кубок УЕФА, Суперкубок Италии. Я играл в Лиге чемпионов в 1997–1998 годах и испытывал смешанные эмоции с долей раздражения, потому что мы вылетели, сыграв вничью с пражской «Спартой».

Но это было правильно – должны быть и победы, и поражения. Это были прекрасные, легкомысленные и безумные годы: у меня были короткие мелированные волосы. Я нарушал схемы и устанавливал свои правила. В воскресенье вечером я ездил танцевать в Модену, в Милан. Я отрывался, но держал себя в руках. Я чувствовал, что должен жить на полную катушку, переживая свои двадцать – или чуть больше. Сейчас, когда мне тридцать, у меня есть жена и сын, я думаю, что это было правильно – развлекаться, сходить с ума и даже делать некоторые глупости. Сегодня я об этом не жалею. Я редко развлекался с товарищами по команде, у меня были свои друзья. Я был любимцем всей Пармы.

Когда мне исполнилось двадцать, я легко это принял, с любопытством глядя на смену тренеров.

С тренерами у меня были прекрасные отношения, хотя иногда им и было тяжело со мной, если мое бунтарство вырывалось наружу. Например, однажды, накануне матча, я пошел к вице-тренеру и задал ему вопрос:

– Завтра я играю?

Он сурово посмотрел на меня:

– Я такие вещи не решаю, мистер мне не сообщает.

Помолчал некоторое время и добавил:

– Хотя мы и работаем вместе десять лет, я ни разу не ходил с ним даже поесть пиццы.

И он сказал это с гордостью, как будто именно это и делало их настоящими профессионалами.

Для меня это не было нормально, и я, как всегда, не стал молчать:

– Вы считаете это нормальным? Я бы таким не гордился.

Ну да. Это было не деликатно, но он задумался.

С Карло Анчелотти были почти дружеские отношения. На смену ему пришел Альберто Малесани.

Сначала в «Парме» к нему относились по-снобски и немного скептически. Ждали поражений. Но он проявил себя хорошо, и начались победы. Я это оценил, потому что он был тренером, который давал играть команде. Потом был метеор Арриго Сакки. Меньше месяца, холодный январь 2001 года. Но даже за это короткое время я понял, почему он стал иконой современных итальянских тренеров: он все объяснял и ничего не оставлял просто так.

По отношению ко мне он всегда был очень сдержан, более того, он прикрывал меня, даже если это стоило победы. Например, в важном домашнем матче против «Лечче». Мы вели 1–0, потом я сделал глупость и пропустил от Лукарелли. На пресс-конференции после матча его спросили обо мне, о моей ошибке.

– Да, он ошибся, но, если сложить все очки, которые он принес нам в чемпионате, баланс будет в его пользу. И с большим перевесом.

Его уход был словно гром среди ясного неба. Об этом много говорили, но мы ничего не замечали и не ждали этого. Это произошло после трансфера в «Верону», а мы узнали из газет. Мы не поверили. Сакки приехал в Коллеккьо, пришел к нам в раздевалку и сказал:

– Извините, я не смог справиться со стрессом.

В тот месяц я понял, почему к нему так неоднозначно относились. Потому что он был революционером. Если кто-то и смог поменять итальянский менталитет, то это был он. Сакки – умный и очень образованный человек.

Арриго тренировал совсем недолго, потом пришел Ренцо Уливьери. Великий человек, я несу его в своем сердце, как будто он тренировал меня десять лет. Он никого не оставляет равнодушным, Ренцо, его или любишь, или ненавидишь. Готовый ко всему, ироничный. Настоящий футбольный тренер старой

школы.

Это была «Парма», это была Парма. С 1998 по 2001 год это была сильнейшая команда, завоевавшая меньше, чем она заслуживала – по своим усилиям, по своим игрокам. Если бы мы все были в футболках «Юве», мы бы выиграли все на свете за один сезон. Я говорю о психологии и культуре победителей, о традиции и привычках. Будь у любого из нас еще два-три года в «Парме», нам бы всем поставили памятник.

Но мы были мальчишками – наверное, даже чересчур. Это и хорошо, и плохо. Каждый год мы учились чему-то новому, но приключение в прекрасной «Парме» – «Парме» эпохи Танци, к которым, независимо от судебных разбирательств, я всегда питаю теплую привязанность, – подходило к концу, хоть я этого и не знал.

И моя эра подходила к концу. Я чувствовал это. Тем летом я отправился в отпуск в Австралию. Это был июнь 2001 года. На обратном пути, в Бангкоке, я получил факс от Сильвано.

Он прислал мне первую страницу туринской спортивной газеты «Туттоспорт». Заголовок огромными буквами гласил:

«ЮВЕ»: БУФФОН

8
Вишенка на торте
Если ты ошибаешься в «Юве», ты ошибаешься вдвойне

Почему я согласился перейти?

С «Кьево» мы выиграли, но я совершил ужасную ошибку и пропустил от Мараццины. С «Ромой» не было скидок – 2–0 в их пользу. По мнению Батистуты, я не был безгрешен – и шел домой. То есть я уже был дома, вот именно. Я – это прежде всего я, Джиджи Буффон. Стадион далеко, он большой и холодный. За ним Турин, который за эти годы изменился к лучшему, но это не Парма, не моя Парма, где я мог спокойно ходить по улицам, не моя Парма, по которой я ездил на мопеде и на каждом углу встречался со старыми друзьями. Нет, Турин не был таким, особенно вначале, особенно для того, кто предал номер 77 ради номера 1 и был на середине пути от чувства к долгу профессионала.

Сначала «Ювентус» был выбором профессионала – но не выбором сердца. Не было единства, я не мог собрать себя, мне все не нравилось. Теперь человек и профессионал объединились в футболке «Ювентуса». Еще не сформировалась моя личность.

Я помню эпизод, который до сих пор причиняет мне боль. Мерзкая история.

Это было в матче «Парма» – «Болонья». Я сильно столкнулся с нападающим «Болоньи», Пьерпаоло Брешани. Он получил травму и ушел с поля. В последующие дни я часто думал о нем и спрашивал себя, надо ли ему позвонить:

– Звонить или не звонить?

Может быть, он злится на меня и не хочет меня слышать? В общем, я ему не позвонил. Через год я повстречал его в «Венеции», куда он перешел. Он не держал на меня зла. Но сказал мне:

– Я думал, ты мне позвонишь. От любого другого я бы ждал такого равнодушия, но ты же не такой.

Мне было очень стыдно.

В те годы я был таким. Я был мальчиком, которому нужно расти, и я делал это с помощью ресурсов своего характера. Дерзкий до наглости. Ничего я не оставлял просто так, злые слова так и крутились у меня на языке.

Однажды в Москве ко мне, молодому вратарю в начале

карьеры, пришла русская журналистка взять интервью. Как она выглядела? Раз я этого не помню, наверное, она не произвела на меня большого впечатления. Но я хорошо помню вопрос, который она мне задала:

– Как тебе живется с мыслью, что ты можешь стать вторым вратарем в мировой истории после Льва Яшина?

– А почему это я должен быть вторым и не могу стать лучше него? – тут же ответил я.

Она рассмеялась, думая, что это шутка. Потом поняла, что я не шучу.

– Знаешь, лучше я не буду писать этот ответ.

Я смутил ее:

– Пиши, если хочешь, я сказал то, что думаю.

Будь я другим – не думаю, что я стал бы вратарем «Юве» или национальной сборной. Будь я поскромнее, я бы вообще на поле не выходил.

А как я пришел сюда. Почему «Юве»?

Полтора года я читал в газетах и слышал, что «Юве» хочет, чтобы я играл за них. Летом 2001 года в итальянском футболе была мода на «Рому». Только что взяли скудетто с Фабио Капелло, великие игроки, желание не останавливаться на достигнутом. Я сам чуть не оказался в Риме. Сильвано и мой отец поехали к Сенси домой на переговоры. Переход почти состоялся. Речь шла о больших деньгах – как для «Пармы», так и для меня. Но желто-красные предпочли взять Ивана Пелиццоли.

Потом образовалась «Барселона». «Барса» предложила 110 миллиардов лир, сумасшедшую цифру. Сильвано уехал в Каталонию. Мне перспектива очень нравилась. Моей семье – не очень.

И тогда Моджи позвонил Мартина: «Какого черта ты мотаешься по Европе? Приезжай завтра, я тебя жду». Сильвано, как всегда, приехал с моим отцом. Пришел Умберто Аньелли, который хотел знать, хочу ли я сам этого.

– А мальчик, – именно так он и сказал, – сам хочет?

Папа его уверил, что да. И я получил этот факс в Бангкоке и почувствовал себя раздавленным. Мне казалось, что десять лет моей жизни перечеркнуты маленьким листком бумаги с чернилами гостиничного факса.

Я метался. Я бы ни за что не оставил «Парму». Там я был символом, но я знал, что, если останусь там, я очень скоро остановлюсь на спортивном уровне. Я доверился Сильвано и отцу, как всегда, глубоко вдохнул и окунулся в новую жизнь.

Вся жизнь изменилась, была порвана пуповина, которую я считал нерушимой. Мне было любопытно и в то же время

страшно. Я не знал, как меня встретят в Италии, как к этому отнесутся болельщики.

Когда я прилетел в Рим из отпуска, в аэропорту меня встретили с энтузиазмом: человек двенадцать хотели меня обнять.

– Привет, Джиджи, ты теперь наш?

Болельщики «Ювентуса» повсюду, их много. Я был удивлен, я не привык, что болельщики есть в любом городе мира, на любом углу: от Турина до Дортмунда, от Лондона до Канберры.

До представления команде я прошел крещение огнем с Лучано Моджи. Я был немного смущен, как всегда, испытывал страх перед чем-то новым. И я сразу понял, что в «Ювентусе» все по-другому.

– Я бы хотел номер 77 на футболке, как в «Парме».

– Перебьешься. Ты в «Юве», не выпендривайся.

В первые месяцы я был потерянным, и не только потому, что на спине у меня была единица. Мне не хватало моих любимых мест. Бара на первом этаже дома, площади Гарибальди, прогулок по улице Фарини, моего маленького мирка – древнего и современного одновременно. Я поселился в доме на холме, в котором раньше жили Раш и Заваров, не снискавшие особой славы в «Ювентусе», а также, к счастью, и Баджо. Многих игроков я уже знал. Я быстро понял, в чем сила этой команды: в группе. У меня было два маяка – Чиро Феррара и Антонио Конте. И Лилиан Тюрам. С ним мы шесть лет играли в «Парме». Я чувствовал себя увереннее, когда он был рядом.

С Моджи у меня всегда были хорошие отношения. Иногда он ругал нас, но всегда говорил все крайне корректно. Иногда мы вступали в спор, когда он был недоволен, но никогда не позволяли себе лишнего. Моджи отлично управляется с ситуациями. Он ироничен и умеет снизить накал страстей.

И это было необходимо мне в начале моей карьеры в «Ювентусе». Мне было трудновато, но и в команде разгорался огонь войны. Вернулся Липпи, было много новых игроков, мы не могли найти ритм, мы были потеряны. Я предпочитал не читать газеты. Однажды я собрался с силами, купил одну, кинул взгляд и тут же закрыл ее.

«Мне нужен психолог», – говорил я себе. Но я сам всегда был для себя самым лучшим психологом. Эта сторона моего характера может быть как сильной, так и слабой. Меня взяли, чтобы заменить Эдвина ван дер Сара – отличного вратаря, который, как и все вратари, считал, что виноваты все вокруг, кроме него самого, и я не хотел, чтобы меня воспринимали как не понятый никем феномен или повесили мое фото на доску позора с

подписью: «Самая дорогая покупка в истории черно-белых».

Проблема проста. В «Юве» не так легко себя проявить и показывать красивые принятые мячи, ты редко оказываешься в прыжке. Вот именно в том «Юве». Ошибка в воротах черно-белых вдвойне неприятна. Я не хотел быть для болельщиков разочарованием, я хотел быть вишенкой на тортике. Один миг отделяет баланс от падения. И от него меня спасли, как всегда, мои сила и воля, а больше всего – мой отец, моя мать и мои сестры. Отец, который всегда был моим самым строгим критиком, в тот период был как никогда рядом со мной и помогал мне.

Я мало выходил в город, больше сидел взаперти, закрывшись в комнате и глядя в телевизор или бродя по Интернету. Ходил в гости к другим вратарям. И все.

Я не жил. Я начал деградировать. Потом, как это часто бывает, один вечер изменил все. Мы играли с «Лацио», была ничья 1–1. Я сделал три или четыре сейва.

Я вернулся. И чемпионат покатился к 5 мая, к моему знаменитому первому скудетто. Мы действительно не ждали его, не думали о нем, когда это приключение начиналось. Мы выиграли в Удине 2–0. И это был прекрасный солнечный день после долгого дождя.

Признаю: никто из нас не думал, что это возможно. Мы знали, как обстоят дела в итальянском футболе, как играют команды, которым нечего ловить на чемпионате, и на последних матчах ведут себя так, словно у них уже отпуск, – мы не думали, что «Лацио» будет играть с «Интером» с ножом в зубах.

Но это было именно так. «Интер» проиграл, а мы завоевали свой первый скудетто.

Так началась моя новая история. И никто ее у меня не отберет.

9
«Юве» первый
Стена на «Олд Траффорд»

Я стою у стены на «Олд Траффорд», курю сигарету, смотрю на то, как мимо бегут люди, вещи, но прежде всего – время. Время, когда ты проиграл такой матч, уходит счастье и приходят сожаления. Время ничего тебе не дарит, оно только выставляет напоказ все твои недостатки и забирает все хорошее.

Было жарко, вечер был почти душным, но здесь, в центре Англии, было хорошо. Будто мы в Италии, а в финале и правда две итальянские команды.

Мне казалось, что я разговариваю сам с собой, и я так и делал, именно разговаривал сам с собой, произносил слова не про себя, а вслух.

– И когда ж теперь со мной такое еще случится?

Это не вопрос – просто присказка, способ дать выход своему сожалению, проконтролировать его, не дать ему расползтись по мне клубком ядовитых змей. Это способ помешать гневу захватить меня и стать невыносимым. В тот вечер на «Олд Траффорд», на историческом домашнем стадионе «Манчестер Юнайтед», команды, которая обыграла нас в важнейшем соревновании, – но не сейчас. Нет, не здесь, потому что в финале Лиги чемпионов были две итальянские команды – «Ювентус» и «Милан». И «Милан» победил. По пенальти. И я слышу звуки праздника, веселые песни красно-черных болельщиков и грустное завывание наших. Все вместе. И я говорю эту фразу, прислонившись к стене, практически выталкиваю из себя ее, прибиваю себя к полу, словно боюсь упасть.

И тут за спиной я слышу голос:

– С «Ювентусом» такое нередко бывает, правда?

Это Роберто Беттега, вице-президент черно-белых, третий человек в команде, часть тех, кого журналисты называют «триадой». Беттега – это традиция, это линия. Он вырос в «Юве», не как Джираудо и Моджи, которые прекрасно руководят командой, но выросли в другой традиции, и они «примкнувшие» болельщики – в смысле, стали ими, когда возглавили команду.

А Беттега всегда был болельщиком «Ювентуса».

Эта его фраза меня задела. Возможно, даже совершенно точно она подействовала на меня тогда, когда я решал, оставаться ли в Турине или уехать, как сделали многие мои товарищи. Эта фраза

– мой символ «Ювентуса» в первые годы. Беттега был прав. С ним и Джираудо отношения были менее близкими, чем с Моджи, тот всегда был рядом, от него не ускользало ничего из происходившего в раздевалке.

Я помню стадион в тот вечер: удивительно красивый, с замечательной публикой на трибунах. И мой гнев в финале. Это было самое большое разочарование в моей жизни, оно до сих пор как бремя на спине, от которого невозможно освободиться. И этого хватит – если то, что мне сказал Беттега, верно, выиграть Лигу чемпионов означало бы короновать потрясающий сезон как для «Юве», так и для меня, естественно.

Скажу больше: сезон 2002–2003 годов – это был мой лучший сезон, в котором я достиг зрелости и сделал много важных дел. Скудетто, к которому нас честно привел Липпи, и это не обсуждалось. Этот титул был сыном титула прошлого года. Если бы мы не выиграли тогда в Удине, мы бы не добрались сюда. Это повлияло и на Лигу чемпионов, в которой мы неплохо играли, – во второй части лучше, чем в первой.

Жаль, но в финале не было Павла Недведа. Он играет как бог. В декабре, в Париже, ему вручили Золотой мяч. А меня назвали лучшим игроком Лиги чемпионов. Вратаря.

Да, не хватило только этого последнего матча, маленькой удачи. Матч закончился серией пенальти: я отразил удары Зеедорфа и Каладзе, а Дида был лучше меня и вытащил удары Монтеро, Салайеты и Трезеге. Однако я отлично помню одну деталь этого вечера.

Пенальти Несты.

Я был уверен, что возьму его, а он забил. Я был уверен, что он будет бить влево, и бросился туда. Но я опередил мяч, который полетел по странной траектории и удивил меня.

Когда на поле вышел Шевченко для последнего пенальти, я уже был в раздевалке. Я пережил слишком сильный выброс адреналина к тому моменту.

Наконец я отошел от той стены. Во рту все еще был горький привкус разочарования и желание от него избавиться.

Я не мог избавиться от одного – от своей роли, от своей позиции, которой достиг.

Я был Джиджи Буффон.

Я делал то, что мне нравится, – играл в футбол, я был чемпионом, которого любили болельщики и ценили противники.

Но я еще был и парнем, который жил своей жизнью. И мне всегда нравилось качество. Во всех смыслах. Начиная с девушек. Мои сердечные дела были достаточно стабильными. Отношения длились в среднем три года. Неплохо для совместной жизни. От

одиночества я сразу переходил к совместной жизни.

Мой отец немного переживал из-за этой легкости, когда я приводил домой своих девушек через пару месяцев после знакомства.

Хотя это и были относительно стабильные отношения, они заканчивались так же, как начинались. Момент расставания всегда неприятен. Но со своими бывшими, кроме одной, я всегда сохранял неплохие отношения. Даже сейчас.

Со временем я научился ценить хороший вкус, качественные вещи, вкусную еду. Я не фанат автомобилей, я их выбираю по функциональности, но если вижу машину, которая мне нравится, я ее беру. Иногда получается, что я хожу в казино, а еще мне нравится тратить деньги на качественную еду. Я был во многих ресторанах: «Пескаторе ди Каннето сулл'Ольо» в Лоренцо в Форте дей Марми, «Романо ди Виареджо» в «Локанда делле Тамеричи», рядом с моим домом, одно из самых моих любимых мест.

Это была и есть моя жизнь, от высшего к низшему. Если мой спортивный (и личный) сезон 2002–2003 годов был великолепен, то следующий я предпочел бы забыть.

Это был год моего экзистенциального кризиса, моей депрессии, год, когда я спрашивал себя, что я делаю в воротах. Я сомневался в себе не только как в футболисте, но и как в человеке. В тот год, после двух скудетто, мы не заработали ничего.

Это был последний год Марчелло Липпи в «Юве». Я знал Липпи-2, вернувшегося после несчастливого опыта в «Интере». Все говорили, что он изменился к лучшему по сравнению с Липпи-1.

– Это, ребята, наша работа.

Эта фраза Липпи всегда меня сопровождает. Это не просто слова, не бессмысленная присказка, которую повторяют к месту и не к месту. Это убеждение, которое он принес в команду, которое он передает нам перед выходом на матч, особенно перед важным. Я знал Липпи в «Юве» и в национальной сборной, он умел решать любую ситуацию, как никто другой, у него есть и твердый характер, и чувство юмора.

Я часто со смехом вспоминаю сценку с Игором Тудором, хорватом. Липпи имел особое пристрастие к Тудору, ставил его играть всегда, в любой роли, он выставлял его даже хромым. В тот день, перед тренировкой, мы все стали на поле в круг, Липпи раздавал кучу советов и каждый раз завершал их словами:

– Игор, а ты понял?

Тудор в определенный момент не выдержал и вместо обычного «Да, мистер» ответил, выставив руками свои уши

вперед:

– Понял, я тебя слышу, у меня из-за тебя уже вот такие уши.

О как.

Но Липпи в свою очередь положил руки себе между ног:

– А у меня из-за тебя уже вот такие яйца.

Но любая история заканчивается. Особенно если ты много выиграл. Ты удовлетворен и можешь себе позволить немного отойти в сторону, пока другие борются за место в первом ряду.

Пришел Фабио Капелло. И еще два скудетто. Первый был для меня замечательным, второй – не очень, так как я сломал плечо в тот летний вечер трофея Берлускони в столкновении с Кака. Я помню жуткую, смертельную боль. Плечо потеряло чувствительность, я чувствовал себя роботом. Я никак не мог поставить его на место, мышцы были перенапряжены. Такой боли я еще не испытывал.

Но, как и несколько лет назад, мой позитивный настрой и оптимизм, которые помогли мне преодолеть депрессию, поддержали меня и когда я долгими месяцами терапии лечился от травмы.

Я был спокоен, страха не было. Я был уверен, что вылечусь. Конечно, были и кризисные моменты: я в физкультурном зале, занимаюсь лечебной физкультурой, а команда выигрывает. Меня отдали в руки физиотерапевтов. Однажды в дождливый день мимо по коридору прошел Капелло. Я и физиотерапевт Джиджи Почеттино говорили о чемпионате мира, об Италии, о наших перспективах победы.

Капелло нарисовался в дверях.

– Ну и докуда вы надеетесь дойти? – саркастическим голосом спросил он.

– Если я выздоровею, до полуфинала я их доведу, – ответил я ему в стиле Джиджи Буффона.

Он вышел смеясь.

Почеттино и я в тот вечер в Берлине не вспомнили о его смехе – мы вспомнили о моих словах. И Почеттино прислал мне сообщение: «Ты держишь слово».

Капелло отлично управлял командой в чемпионате. Но в Кубке, к сожалению, мы далеко не продвинулись.

Что ж, бывает. В конце концов, везде есть свои ступени, не только в футболе. Кто-то может хорошо выступать на чемпионате, но не подняться на следующую ступень.

Сила Капелло в том, что он всегда думает о худшем. Каждый соперник, с которым мы должны были встретиться, страшно опасен. Ничто не спасало нас от той ауры страха, которую Капелло распространял вокруг себя.

– Они находятся в лучшей форме, чем кто-либо на чемпионате, – говорил он о соперниках перед каждым матчем.

На второй год, во второй части сезона, мы должны были поехать в Тревизо, – и тут у нас точно не было надежды на спасение. Мы заключили пари между собой, что даже в этот раз он скажет нам эту фразу.

Он пришел на техническое собрание, и первое, что он сказал, было:

– Я их видел, они в потрясающей форме, бегают быстрее всех.

Мы переглянулись, хихикая.

Да, мы смеялись и танцевали, сами того не зная, на палубе «Титаника».

Мы не знали, что происходит трагедия – я имею в виду, футбольная трагедия, которая должна была разрушить «старый» «Ювентус» и превратить его в «новый» «Ювентус». И я окажусь в центре этого скандала – и не просто как игрок «Юве», не просто как один из тех чемпионов, которые получили скудетто в Серии Б в том чемпионате середины лета.

Нет, поскольку я всегда обо всем говорил честно, в центре этого черно-белого «Титаника» был я как человек, и вытаскивать из этого меня пришлось другим, с невероятной легкостью. Слишком легко. Такое было время, такая была Италия.

И я стал монстром для первых страниц газет.

Поскольку это был не первый раз, и раньше меня тоже вовлекали, – а иногда и я сам вовлекал других – в более или менее серьезные дела, думаю, что здесь надо сделать пояснение.

Насчет моих «темных» историй. Ну, возможно, слово «темный» здесь – преувеличение.

И это не единственное, что преувеличено в этих историях.

10
Темные истории
Ошибки, огрехи, нечестность вратаря

Я никогда не делал ничего непоправимого, но некоторые ошибочные, политически некорректные или просто глупые вещи случались в моей жизни. Истории, которые попали в газеты, и истории, которые остались в закоулках памяти. В жизни каждого человека случается немало ошибок. Просто ошибок, ошибок, которые ты совершаешь с добрыми намерениями, ошибок, которые тебе приписывают, но ты даже спустя много лет отказываешься признавать их таковыми. Все мои темные истории всегда оказывались на первой странице. Никаких скидок, я каждый раз оказывался, как на снимках в стиле «Их разыскивает…».

Ошибки молодости. За неделю до выхода на поле в Серии А против «Милана» мы с моим другом по пармской «Примавере» пошли погулять с двумя девушками. Зашли в бар. Выпили по стаканчику.

Когда у меня есть немного алкоголя в крови, я становлюсь «бесстрашным», если вы мне позволите эвфемизм. Когда бар закрылся и мы оказались на улице, я залез на машину своего друга и помочился (в то время я еще не умел водить машину, и мопеда у меня еще не было). Хозяин бара решил, что это чья-то чужая машина, побоялся драки и немедленно вызвал полицию.

– Что вы тут делаете? – спросили полицейские, выходя из машины.

– Ссым, – ответил я со своим обычным дурацким выражением лица.

– Документы, – сказали они.

Я начал возражать, наговорил им лишнего. На следующий день меня вызвал к себе Пасторелло:

– Тут тебе повестка.

– Мне? За что?

Я как с неба упал. Я уже и забыл все это, в моем юношеском легкомыслии мне казалось, что я ничего серьезного не сделал и никого не оскорбил.

– Нарушение общественной морали и сопротивление полицейскому при исполнении, – зачитал мне спортивный директор.

Я пошел в квестуру извиняться. Я признал, что совершил нарушение, и повестка была отозвана. Спустя неделю я дебютировал в Серии А, и началась моя дорога среди «взрослых». Об этом безумном вечере никто ничего не узнал. Я всегда думал, что, если бы это случилось неделей позже, я бы так легко не отделался. И по-моему, это было бы неправильно. Я всегда оставался собой – в Серии А или в «Примавере». Я был мальчишкой. И это была даже не бравада. А просто обыкновенная глупость.

Как в той истории с «палач тот, кто отступает» и с номером 88. Для меня «палач тот, кто отступает» было ошибкой, максимум – невежеством. Да, серьезным, согласен, но скандал, который из этого раздули, оказался и вовсе безразмерным. Я просто не знал об историческом происхождении фразы. Понятия не имел, что этот девиз восходит к фашистской традиции и что это был лозунг кровавого восстания Реджо Калабрии в 1970 году. Правда, я читал, что некоторые историки возводят его к временам Неаполитанской республики 1799 года, а в Первую мировую войну это был девиз Ардити.

Хорошо. Сейчас есть Интернет, и можно все узнать мгновенно, а я тогда только-только пришел со школьной скамьи. Это на ней я в тринадцать лет увидел такую надпись, вырезанную ножом. Это были мои первые дни вне дома, для меня это был очень тяжелый в ментальном смысле период. Я присвоил себе эту фразу как девиз, который помогал мне выжить, не думая и не подозревая, что она принадлежит политическому течению, и я вспомнил о ней, когда моя команда переживала тяжелый момент. Нам не хватало результатов, не было доверия в команде. Для меня это был эффективный способ передать своим товарищам идею: не бояться, не давать победить себя страху. Не сдаваться.

Меня просто распяли. Меня до сих пор поражает тот шум, который тогда поднялся. Я понимаю свою ошибку, а тот факт, что ее совершил известный человек, придает ей особый рельеф. Но в таких случаях меня всегда поражает отсутствие здравого смысла. Я хочу сказать: все относительно, в жизни существуют оттенки цветов, но есть такие люди, которые судят с гранитной уверенностью, не думая, что ошибка среди людей всегда может случиться.

Но история с номером 88 ошибкой не была. Когда я о ней вспоминаю, мне до сих пор смешно. Я помню, что 2000-й был первым годом, когда можно было выбирать себе номера. Я попросил у команды номер 00 – для меня это был символ яиц. А еще для меня это был символ возрождения после травмы, которая помешала мне поехать на чемпионат Европы в Бельгию и в

Голландию.

Мне сказали, что выбрать 00 нельзя.

– Тогда, – сказал я, – я возьму 88, четыре яйца.

Лучше бы я этого не делал. Я мгновенно стал нацистом. Возмущались все, но больше всех – я это хорошо помню – Витторио Павончелло, ответственный за спорт в еврейском обществе Рима, который потребовал от меня извинений. И за что я должен извиняться? За то, что 88 для нацистов обозначает «Хайль Гитлер!», потому что восьмая буква немецкого алфавита – «Н»? Да ладно. Этот Павончелло меня достал. В итоге пришлось поменять номер. После долгих и тщательных поисков в архиве, не означает ли новый номер чего-то ужасного для сборщиков папайи в Перу, я выбрал 77.

Вот в этом я раскаиваюсь. Я дал слабину. Не надо было извиняться и надо было оставить тот номер, который я выбрал с самого начала.

Также я раскаиваюсь в том, что купил аттестат, не заработав его на поле, то есть в аудитории. Экзамен на аттестат зрелости был самой большой ошибкой в моей жизни, которая больше всего задела мою семью. Я понимаю всю свою ответственность и, конечно, не сваливаю ее на того человека, который, когда я закончил предпоследний класс лицея и мне остался последний год и сдача экзаменов на аттестат зрелости, предложил мне: «Если хочешь, давай сделаем тебе аттестат». Этот человек, чьего имени я никогда не назову, ни за что не отвечает. Отвечаю только я, потому что я сделал так, как мне было удобно.

– Экзамены сдавать надо? – спросил я.

– Нет, никаких.

Через некоторое время мне домой прислали диплом. Я вернулся в Каррару и показал его своим родителям.

– Ты сдал экзамен?

– Да, все отлично.

– Точно?

– Да.

Я был так уверен, что спокойно подал документы на юридический факультет университета Пармы и даже начал посещать лекции. Мне это нравилось, мне очень интересны некоторые аспекты права. Но, как говорят в теннисе, одном из видов спорта, который я люблю, у каждого правила есть обратная сторона.

Мне звонят из команды. Классика жанра. Конечно, что-то случилось. И правда.

– Джиджи, университет проверил: твой аттестат недействителен.

– В каком смысле?

– В смысле, он фальшивый.

Виноват в этом только я. Точка. И я дорого за это заплатил. Я не имею в виду очередной репортаж про «чудовище с первой страницы». Я говорю о взгляде моих родителей, когда я впервые приехал в Каррару после того, как обо всем этом стало известно и история попала в газеты.

– Когда ты совершаешь глупость, помни, что ты полощешь не только свое имя, но и фамилию своей семьи. Твоя фамилия Буффон, и мы все за тебя в ответе.

Мне было так стыдно, как никогда в жизни.

Я помню, что среди многих, кто пытался меня утешить, был Джованни Трапаттони:

– Не бери в голову, ты хотя бы почти закончил старшую школу. Есть люди, которые якобы прошли ее всю за год. Восемьдесят процентов аттестатов футболистов – купленные.

Клевый Трап.

Но эта история с отсутствием у меня аттестата до сих пор мне отзывается. И прежде всего – моим родителям.

Мои родители никогда не делали мне скидок. В серьезных делах. Не в глупостях. Они защищали меня, когда меня называли преступником, непосредственно перед чемпионатом мира – 2006. Именно тогда всплыла история о моих ставках. И эта история – плод большой истории, в которую ввязался «Юве» весной 2006 года.

Для меня вопрос всегда был ясен: они могли бы ничего мне не говорить и ничего не делать. Я бы доказал свою невиновность, как я и сделал, без лишней огласки. Но из этого устроили скандальную кампанию в печати.

Если человеку нравится играть и он делает это на свои деньги, кому какое дело? Мне нравилось показывать, что я знаток, предсказывать результаты. Мне нравится игра, и я делал это не ради денег, я в них не нуждаюсь. Я всегда играл на тотализаторе. Помните, как ребенком я думал, что выиграл тринадцать? Потом было двенадцать на миллион, большое удовлетворение.

Думаю, я единственный в мире игрок, который ставил только на выход и ни разу не ставил на вход. Деньги, которые я выигрывал, я клал на тот же онлайн-счет, с которого играл. Да, я все делал с помощью кредитной карты. Вы хоть раз видели игрока-мошенника, который так делает?

– Можете искать где угодно, у меня вы ничего не найдете. Мне нечего прятать.

Когда Бюро расследований Федерации футбола предъявило

мне обвинение – договорные матчи, на которые я делал ставки, я смотрел им прямо в глаза.

– Делайте, что хотите, но я скажу вам одну вещь: если вам удастся найти доказательство, хоть минимальное, того, что я в этом участвовал, вы не должны дисквалифицировать меня на год, на два или на пять. Вы должны отстранить меня от футбола. Навсегда.

Те, кто меня допрашивал, были потрясены моими словами, кто-то даже засмеялся во время допроса, потому что понял, насколько абсурдным было это дело. Достаточно быстро эта история закончилась.

Игра на ставках для меня – способ «спустить пар», нечто такое, что не может не нравиться человеку. Это вызов. Я делал ставки на теннис, потому что немного в нем разбираюсь, несколько раз был на «Ролан Гаррос», знаю Федерера, Надаля, Мойя. Время от времени, когда у меня есть возможность, я иду в казино: блэк джек, рулетка, покер.

Я могу делать все, что угодно, но не совершать нечестные и недостойные вещи. Например, не смогу подстроить результаты матча ради своей личной выгоды.

Тем временем, незадолго до чемпионата мира, я вернулся домой и обнаружил свою семью постаревшей на двести лет. Медиа действительно сильно влияют на людей. Даже мой отец начал меня подозревать.

Он сказал мне:

– Я действительно видел, что в некоторых матчах ты был не очень. Ты бросался за мячом туда, где его не было.

Тогда, как и много раз до этого, я засучил рукава. Каждое утро я смотрел в зеркало и говорил себе:

– Ты сможешь пережить это.

Той полной волнений весной идти вперед было гораздо тяжелее, чем прежде. Я должен был забыть о «Юве», оказавшемся на краю бездны, о своих фото в газетах с подписью «преступник», о разговорах, что я, Каннаваро и Липпи должны остаться дома.

Я должен был очень внимательно смотреть в это зеркало.

Потому что нужно было выиграть чемпионат мира.

11
Берлин, «Олимпияштадион»
Пододододо, дододододо!

Я слышу, как кричит Гаттузо.

Он будет кричать всю ночь. Рино – всегда мой сосед по комнате в национальной сборной. Классика. Обычно он спит, а сегодня ночью орет. Этой ночью каждый делает, что может, а не то, что хочет. Я думаю, думаю о своей жизни, о том, что я сделал, о своих ошибках. Но и о том, что я делал правильно. По крайней мере, правильно для меня. Не рассказывая об этом всем подряд. Я не знаю, все ли чувствуют себя так перед экзаменами, перед важным экзаменом. Возможно, да, когда ты находишься перед лицом серьезного поворота судьбы, тебе в голову приходят факты, но прежде всего – лица. Лица дорогих людей, тех, кто, даже не будучи рядом с тобой, все равно тебе очень близок, даже когда совсем далек, – и лица тех, кого больше нет. Но они были и сыграли важную роль в твоей жизни. Такие люди значат для тебя очень много.

Я думаю о Пьеро.

Думаю о том, как прощался с ребятами из центра реабилитации «Бетания» в Парме. Ребята вместе с Пьеро стоят в дверях, я говорю им «до свидания». У нас незабываемые лица. Мы все очень расстроены – я, потому что должен уехать, и они по той же причине. Ребята просят меня вернуться. Я сделаю это через много лет, уже после того, как перееду в Турин. Я приезжал туда на альтернативную службу. Это был один из самых интересных опытов в моей жизни. Я с удовольствием этим занимался и повторил бы еще раз. Ежедневные обязанности, расписание, которому надо следовать, жизнь, в которой ты отвечаешь за другого, а не только за самого себя. Это очень серьезно на меня повлияло.

Сначала они немного сторонились меня, и я не мог с этим ничего поделать: приехал известный человек, возможно, он пытается откосить от службы в армии и сидит с ними, сжав зубы и отворачивая лицо. Они не знали меня, но, как только мы познакомились, мы подружились.

В этом я ас. В смысле, в завоевании людей. Возможно, потому, что я считаю себя нормальным человеком, таким, как многие, тем, кто иногда совершал ошибки, которые совершают все, и поэтому готов принимать людей вокруг такими, какие они

есть. Я никогда не чувствовал себя в чем-то «особенным» или «другим».

В то время я должен был быть на ногах уже в восемь, преодолевая свои обычные трудности пробуждения. Я был в центре с девяти до тринадцати. Мне дали место в мастерской по отделке дерева. Я строгал, пилил, разговаривал с ребятами. Закончив работу, мы вместе обедали, играли в карты (да, не без этого). Вечером я возвращался к своей обычной жизни футболиста и продолжал тренироваться с «Пармой».

Когда Пьеро умер, я был в «Юве» и попросил у Липпи разрешения съездить на похороны. Он отпустил меня.

И сейчас, пока Рино продолжает орать, я думаю о том, как много дал мне Пьеро. Очень много. Он научил меня тому, что одним простым шагом ты можешь помочь множеству людей и что истинное счастье – в том, чтобы делать счастливыми других.

Полночь уже позади, значит, уже сегодня мы можем сделать счастливыми шестьдесят миллионов человек. Мы сегодня вечером – в Берлине, на олимпийском стадионе, на котором Джесси Оуэнс удивил мир, и мы играем в финале с Францией.

Это мой второй чемпионат мира в основном составе. О первом, который проходил в Корее и Японии, у меня нет хороших воспоминаний. Будем честны: это было огромное разочарование. После того как я находился в резерве в 1998 году, мне необходимо было научиться контролировать стресс, не давать тревоге парализовать себя. Никогда больше я не испытывал таких выбросов адреналина, разве что в полуфинале против немцев и сейчас, когда мы собираемся играть в финале с Францией.

Я много помню о последнем чемпионате мира. Среди моих воспоминаний – красная стена, возникшая на стадионе в тот вечер, когда мы играли с Южной Кореей. Я помню Мальдини, который не попадает по мячу, и гол Ана, который выбивает нас. Хотите правду? Я не считаю, что в футболе существует более жестокое правило, чем правило «золотого гола». Я помню некоторые глупости Морено, но я никогда не привязывался к карточкам арбитров. Я пересматривал матчи: Эквадор, Хорватия, Мексика, Корея. Мы неплохо играли. Нам просто было нужно чуть больше удачи.

Возможно, мы не смогли стать единым целым на поле. Мы достаточно легко относились к игре как на чемпионате мира в 2002-м, так и на чемпионате Европы в Португалии. Это не сильно отличается от нашего немецкого опыта, но здесь, на поле, мы не развлекались. Многие из нас были очень молоды и пока еще не осознавали, почему мы сейчас здесь, в этой берлинской гостинице, где Гаттузо не переставал орать в соседней комнате.

Мы могли сделать и больше – у игроков тоже есть свои промахи. Мы могли вызвать меньше критики, но сейчас у нас есть возможность все исправить. Если о чемпионате мира – 2002 я помню хоть что-то, кроме разочарования, то чемпионат Европы не оставил о себе никаких хороших воспоминаний в газетах. Там было напряжение, искры, постоянные столкновения, я сам чувствовал в себе желание создавать конфликты в команде.

Проблемы национальной сборной, по-моему, в том, что каждые два года на соревнованиях меняется все, в том числе и тренеры. Это для меня очень тяжело, потому что для игры на максимуме возможностей необходимо все время поддерживать диалог. В любом случае не должно меняться чувство принадлежности к команде, которое ведет тебя на поле. С чемпионата Европы мы ушли непобежденными, хоть и пропустили тот удивительный гол от Ибрагимовича – пяткой. Он был молодцом – не только по игре, но и потому, что увидел, как я пытаюсь отбить кулаком, и оказался прямо передо мной, настоящий нападающий, видящий пространство.

После провала на Евро Трапаттони ушел. Трап, если посмотреть на его результаты, отличный техник, но с национальной сборной ему не удалось создать единое целое.

Команду. С большой буквы «К». Вот она, здесь, рассыпанная по комнатам гостиницы. Возможно, они разговаривают, возможно, если Гаттузо прекратит вопить (а теперь он орет уже невозможные вещи, которые я не смогу повторить), я услышу и их.

Этот Кубок мира был невероятным путешествием, уникальным опытом. Такое бывает раз в жизни. Если выиграешь еще раз, это будет уже не так, я уверен.

Я мечтатель и с детства мечтал сыграть в финале чемпионата мира. И вот я в финале. Но я запомню не саму возможность победы, а это ощущение плеча, те чувства, которые мы испытывали. Спортивный результат, я надеюсь, мы можем повторить, а эту магию – нет.

Мы не сможем забыть эти партии в бильярд и в пинг-понг, тот угол, где мы играли и где я и Бароне бились до последней капли крови. Он был очень силен, всегда меня побеждал, и меня это страшно раздражало. Однажды вечером я получил по ребру и больше там не появлялся. От злости я пнул стеклянную витрину, и она разлетелась на осколки. Я рисковал серьезно повредить себе ногу и так и стоял перед этими осколками стекла, когда рядом со мной материализовался Липпи, смотревший на меня с недвусмысленным выражением лица, которое всем своим видом говорило о том, какой я псих.

Он ничего мне не сказал. В конце концов именно он, когда мы отдыхали после четвертьфинала с Украиной, прыгнул в озеро с гусями, не снимая одежды.

Утром того дня, когда был финал, я встретил Гаттузо.

– Рино, ты спал? – спросил я.

– Крутился в постели.

Рино самый веселый из всех. Мы соседи по комнате и сидим вместе в автобусе. Я наизусть помню его молитву перед финалом. Он посмотрел вверх, на небо, и сказал: «Прошу тебя, я больше никогда ничего не попрошу. Дай мне эту радость. Я хороший мальчик. Я не заслужил такого разочарования». В команде я связан с вездесущим Бароне, Якинтой, Матерацци и моим Канной.

Я хочу сказать важную вещь. Мне кажется, стоит гордиться чувствами дружбы, уважения, которое испытываешь к другому человеку. Но извлечение выгоды под видом чувства солидарности – это не те чувства, которыми стоит хвастаться. По-моему, для богатого человека, имеющего много, живущего полной жизнью, быть щедрым, делать «добрые дела» – это не что-то из ряда вон выходящее или экстраординарное. Это норма, которую необходимо считать моральным долгом.

Чтобы вы поняли, что для меня значит дружба, я хочу рассказать эпизод, который касается меня и Фабио, моего Канны. После Мундиаля мы с ним были в списке на «Золотой мяч». В прессе была кампания в мою пользу, каждый день какой-нибудь журналист говорил мне, что я его заслуживаю и могу его получить. И я стал мечтать. Нет, даже больше. Это как блюдо – ты еще не начал его есть, но тебе его поставили перед глазами, и потекли слюнки. Но его получил Канна. И он сам сказал мне об этом. Мы были в Бергамо на товарищеском матче национальной сборной и шутили между собой об этом. И в определенный момент мне постучали в дверь комнаты, и я увидел его. Он сказал:

– Джиджи, я не хочу, чтобы тебе об этом сказал кто-то другой. Мяч дали мне.

Два или три часа, признаюсь, я переживал. А потом мало-помалу ко мне пробилась следующая мысль: его получает человек, который страдал, который жертвовал собой, человек, который того заслуживает, один из моих лучших друзей, человек, с которым я встречаюсь и за пределами поля, с которым у меня особые отношения. И это правильно, что он выиграл, даже если такой возможности у меня больше не будет.

Я думаю, что, если бы в безжалостном и амбициозном мире футбола случилось бы то же самое с кем-то еще, вряд ли они смогли бы сохранить хорошие отношения. А наша дружба только

укрепилась и сейчас она еще лучше. Когда я думаю о Фабио, мне становится смешно из-за того, что я, довольно мирный парень, именно с ним поругался серьезнее всего за всю мою карьеру. Это было в Загребе, в Хорватии, во время матча Кубка УЕФА, когда мы еще играли за «Парму». Наши противники что-то сделали, я точно не помню, что случилось, но я сказал ему нечто неприятное, а он мне ответил. Мы начали драться в подтрибунном помещении, продолжили в раздевалке. Мы время от времени вспоминаем про этот эпизод. Думаю, что я не ругался с людьми, которых не уважаю. Вот что действительно имеет значение, создает дружбу и образует команду.

И такая команда не может проиграть. Сыграть вничью – да, проиграть – нет.

С Францией мы действительно сыграли вничью и выиграли по пенальти. Я не смог их взять (но свой долг во время матча я выполнил), но смогу рассказывать внукам, что Трезеге так испугался, когда увидел меня, что ошибся. Я знаю, что никто не опровергнет меня. Ну, может, сам Трезеге, но он не считается.

Зидана не было на пенальти. Его удалили. Случилось нечто фантастическое. И тут я должен кое в чем признаться. Я единственный видел, как он толкнул Матерацци. И тогда я подошел к арбитру и сказал об этом. Согласен, это было не очень спортивно, не в моем стиле, и я этим не горжусь. Но в этот момент напряжение было так велико – он был в потрясающей форме, а нам было так трудно, – что желание увидеть его среди удаленных на последних минутах матча было невозможно контролировать.

После матча я упал в обморок – внезапный выброс адреналина. Обессиленный победитель, номер один в мире, упал с облегчением от того, что эти сумасшедшие сорок дней закончились. Хотя мои товарищи и я хотели бы, чтобы они продлились вечно.

После окончания мы вернулись ночью в Дуйсбург. Мы собрали багаж и поехали домой.

Из гостиницы мы выезжали грустные. Она стала нашей, частью нашей победы, она стала местом нашей подзарядки. И мы все, и те люди, которые окружают нас каждый день – на тренировках, на переездах, в автобусе, мы почувствовали гордость за то, что мы один народ. Это чувство должно быть всегда с нами, но я счастлив, что оно пришло через нас, через футбол. Я впервые ощутил это чувство принадлежности, немыслимое.

Я счастлив, что победил и что снова вижу свою семью, друзей, итальянских болельщиков, которых мы не просто

заставили радоваться и гордиться, но хотя бы однажды – объединиться. Я считаю, что должны быть общие правила и ценности. Я буду рад, если однажды вернется школьная форма. И пение гимна в классе перед началом нового дня необходимо. Это напомнит – в первую очередь нам самим, но и тем, кто приехал из других стран, что мы в Италии, что у нас есть свой флаг, свое гражданское чувство, свои законы. Если бы мы так делали, иностранцы больше бы уважали нас. Как в дни Мундиаля.

Это были невероятные, безумные дни. Как та медленная поездка в автобусе по Риму. Над одним болельщиком я смеялся до упаду. Он, полуголый, бежал за нашим автобусом и, когда мы останавливались, запрыгивал на крыши припаркованных машин и танцевал перед нами. Мы смеялись над ним, но были счастливы, что мы стали Чемпионами мира. А владельцы машин были, наверное, не так рады.

Мы снова здесь. Мы снова в Италии.

Приключение окончено. Но начинается новое. И я немного боюсь.

В Италии меня ждет «Юве» – не та команда, что была, а команда под судом, с непонятным будущим.

12
«Юве» потом
Стать знаменем

Я говорю искренне, теперь вы это понимаете. Я собирался уйти, оставить «Ювентус».

Но раньше, когда мы были популярны, когда были победы и аплодисменты, а не тогда, когда нас втянули в скандал.

Это была парадоксальная история: я остался потому, что «Юве» обвиняли, потому что был судебный процесс, приговор, Серия Б.

Я мог уйти в конце сезона 2005–2006 годов. Но не тогда, когда «Юве» был в центре циклона. Нет, именно в тот трудный момент я остался. Была возможность уйти и раньше, когда управлял Моджи. Я чувствовал, что должен меняться. У меня были варианты для продолжения карьеры, но могло случиться и так, что клуб меня уволит.

Создалась странная ситуация. Хотите правды?

Мне больше не было приятно в «Юве». Не по какой-то конкретной причине, а из-за множества маленьких недопониманий. Вот почему я говорю, что это вопрос взаимоотношений между людьми, а не между организациями. С Капелло отношения были отличными. Дело было не в нем. И потом он тоже, насколько я слышал, так или иначе собирался уйти. А я тот человек, которого нужно стимулировать, пинать, чтобы он выложился на максимум, а теперь я больше не чувствовал этого стимула. Не было вызова, заставляющего улучшаться и день за днем снова выходить на поле.

Пока мы с Сильвано размышляли, что делать, на нас посыпался дождь прослушек.

Мы второй раз подряд стали чемпионами, двадцать девятый раз в истории «Ювентуса». Солнце, болельщики, песни, конфетти – и наши противоречивые чувства. Мы закончили чемпионат в Бари в воскресенье, обстановка была нереальной. У меня вызвал странное впечатление вид Лучано Моджи в слезах – но, в сущности, это было вполне в его стиле. Его изображают как безжалостного влиятельного человека, но он вполне обычный, и ему неприятно, когда о нем говорят плохо.

И вот в этот момент мы внезапно оказались привязанными к позорному столбу, нас обвиняли без всякого основания, без какого-либо уважения к нашей частной жизни и к человеческому

достоинству. Меня сильно поразил тот факт, что процесс прошел за пределами суда и что приговор был вынесен еще до того, как вина была доказана.

Я слышал кучу глупостей. Я видел, как вмешивались в жизнь семей. Лично я считаю, что, если кто-то совершил любое преступление, он должен быть наказан, но после оценки всех обстоятельств и с возможностью обвиняемого защищаться. Всего этого не было, обвинение предали огласке и вынесли на первые страницы газет.

Вначале я думал, что до этого не дойдет, что самое тяжелое наказание не ляжет на плечи команды, игроков и болельщиков. Я не считал и не считаю, что за ошибку, допущенную десять лет назад или в прошлом году, можно отобрать то, что было честно выиграно на поле.

Заплатить за это должны были виновные, где бы они ни были, но не команда, не клуб, не люди, приходящие на стадион.

Потому что я склонен согласиться со всем, но одна вещь не обсуждается: спортсмен, зная о подобных договоренностях, не должен играть. Я бы этого не сделал и не делал. Признаю, что в отношении великих команд существует своего рода «психологическая зависимость». Мне в определенный момент расхотелось играть, слушать все эти жалобы в конце каждого матча, как будто каждое воскресенье кто-то ставил наши победы под сомнение.

«Хоть бы мы проиграли». Да, я даже так говорил, от отвращения ко всем тем, кому хотелось это видеть.

Но то, что мы завоевали на поле, было настоящим, оно досталось нам потом и кровью, и все желающие это видели.

И все это мы потеряли. В конце лета я оказался в Римини, в Серии Б, и должен был начинать все сначала.

А мне в принципе нравится начинать заново. Это новый вызов.

Я мог уйти, но первым сказал, что останусь. Мой путь футболиста «Ювентуса» от профессионализма к чувствам завершился в тот жаркий сентябрьский день на морском берегу.

Почему я остался? Я так чувствовал, и все. Меня попросил Алессио Секко («Ладно, Джиджи, оставайся»), меня поразил своей вежливостью и серьезностью Жан-Клод Бланк («Мне было бы чрезвычайно приятно, если бы вы решили снова надеть футболку «Юве», потому что «Юве» в вас нуждается»). И, как со Стефано Танци в «Парме», у меня всегда были отличные отношения с собственниками, братьями Элькан, Джоном и Лапо.

Я не мог повернуться спиной к ним и к миллионам болельщиков «Ювентуса».

И я сделал правильный выбор. Выбор Джиджи.

А Серия Б в итоге – не думайте, что я богохульник, – оказалась неплохим опытом. Я искренне ее принял. Прежде всего, у меня никогда не было опыта в Серии Б – если вы дочитали до этого момента, вы знаете, что моя карьера двигалась быстро. Я знаю, что болельщики «Юве» не были столь радостны, как я, но пытаюсь сказать, что этот опыт – переход к провинциальной игре – может обогатить, если принять его правильно.

Через месяц после финала в Берлине я был в Римини или на Кубке Италии в Бари против «Мартина Франки».

Чтобы почувствовать себя живыми, необходимо что-то новое, что разрушит монотонность и позволит жить на всю катушку. И даже в Серии Б. И не стоило расслабляться. Через месяц я заметил, что мы работаем на полную: соперники играли против нас с остервенением, как и все команды, с которыми мы пересекались в Серии А.

Но самое лучшее воспоминание о Серии Б – это публика. «Ювентус», как вы знаете, всегда ненавидят, везде. Но весь сезон публика замечательно со мной общалась.

В тот год мы ездили по неизвестной для нас Италии, в такие города, как Кротоне или Фрозиноне, я встретил такие общества, с которыми раньше не имел дела. Я слышал искренние голоса, я видел прекрасные жесты.

И это меня очень поразило, потому что я думал о прежнем «Ювентусе». Новый «Ювентус» иначе выглядел на публике. Наших новых руководителей уважали. Моджи и Джираудо в последнее время уходили со стадиона под свист. Это не их вина. Но их считали ответственными за все, что случилось с клубом.

Я вратарь и ближе всего стою во время матча к трибунам за воротами. И в меня постоянно летели оскорбления. За что? Что я сделал? Только потому, что на мне другая футболка? Я профессионал, но ни в одном контракте не написано, что я должен выслушивать ругань и оскорбления.

Один из самых неприятных моментов я пережил в Перудже в 2003 году. Я вышел на поле для разминки, а болельщики соперника начали говорить мне всякое, в том числе оскорблять мою сестру Гвендалину, которая там играла. Потом, в течение матча, среди брошенных в меня объектов я почувствовал, как меня коснулось нечто тонкое, и увидел около своей ноги длинный гвоздь. Да, вот он, профессионализм, благоразумие, пример, на который можно ориентироваться, черт возьми! В этот момент я уже не выдержал, потерял хладнокровие и послал этот гвоздь обратно тому, кто его кинул. Не говорите ничего. Я совершил ошибку, но уверяю вас, что не среагировать было очень

тяжело. И это было еще не все. Когда я выходил с поля и прошел мимо стадиона, немолодая дама крикнула мне:

– Да чтоб ты ногу сломал!

Я посмотрел на нее и ответил:

– Вы, наверное, мама. Чему вы учите своих детей? Этому?

Как и в других сферах общественной жизни в Италии, невоспитанность стала правилом жизни, мы принимаем это как само собой разумеющееся. Исключения из этого правила всегда как глоток свежего воздуха.

Но я понимаю, что наши болельщики не переварили все это. И прежде всего тот факт, что этим воспользовался «Интер».

«Интер».

Обычно в Италии неприятности доставляет победитель. Чтобы спрятать свои ошибки и грехи, гораздо легче переложить на кого-то ответственность. Арбитр – вассал сильной команды. Классика. Это коснулось нас, а теперь и «Интера». Я повторюсь: такие команды, как «Юве», «Интер» и «Милан», имеют некоторые «привилегии» перед остальными. И что тут сделаешь?

Реальность не изменится. Я игрок, а игрок не может думать так же, как болельщик – хотя я и болельщик, со всем энтузиазмом, – не может опуститься на уровень людей, которые обсуждают игру у барной стойки. Я понимаю гнев и негодование тех, кто нас поддерживал, могу разделить их чувства, но мы, игроки, знаем, как обстоят дела. Не только мы в «Юве», но и игроки «Интера», независимо от того, что говорят публично. Мне, например, несколько лет назад было неприятно слышать слова Роналдо, когда он был в мадридском «Реале». Накануне матча с «Юве» он сказал, что в Италии он не сможет выиграть, потому что ему будут мешать арбитры. С «Интером» – по крайней мере в том, что касается меня, – у нас всегда прекрасное и здоровое соперничество. Спортивное.

В общем, мы перевернули страницу. Сначала с Дидье Дешамом. Он снова начал улыбаться, когда постепенно многие «старики», оказавшиеся между прошлым и будущим, начали снова надевать черно-белую футболку. С ним у нас у всех были отличные отношения. Он играл в «Юве», кто-то был его товарищем в черно-белой команде или в национальной сборной Франции. Я не могу сказать о нем ничего плохого, как и о Микеланджело Рампулле, который был ответственным за вратарей.

Редко бывает, что у меня плохие отношения с тренером. Из-за моего характера и моей личности, но еще и потому, что мы, вратари, – часть микрокосмоса, и важен тот человек, которому тренер делегирует свою работу. И с Клаудио Раньери никогда не

было проблем. Я ценю его спокойствие, его апломб в любых ситуациях, особенно в негативных. Есть еще великий тренер вратарей – Джорджо Пеллидзаро.

Мы прошли Серию Б, мы снова вернулись на свое место в элите.

Мы – «Юве».

Again, как говорят англичане. Снова мы.

13
Алена
Теперь я и ты стали «нами»

В тот период я был одинок.

На самом деле быть в одиночестве для меня никогда не было проблемой. Я должен сказать, что определенный интерес у женщин я всегда вызывал, и одиночество абсолютно не было для меня поводом для беспокойства или тревоги. Это просто мой способ проводить дни иначе. Но не очень долго.

По характеру я всегда любил быть с друзьями. Даже когда у меня есть девушка.

И тогда я тоже был с моим другом из «Каррары», Бубу. Он приехал в Турин, и мы обедали в баре в центре. Потом решили прогуляться по Виа Рома, улице магазинов.

Там были – и есть до сих пор – все эти магазины с сияющими витринами, и мы смотрели, любопытствовали, обсуждали. Там были и магазины белья, и перед витриной одного из них я уставился на изображение красивой девушки в натуральную величину. Она была ростом почти с меня.

На магазине была вывеска «Триумфа». Модель звали Алена Шередова.

Я замер, очарованный. Бубу рядом со мной улыбался:

– Неплохо, да?

Я серьезно ответил:

– Вот это мой тип девушки. Я бы с удовольствием с ней познакомился.

Я уже видел ее лицо. Я помню, как она приехала в Италию и прославилась на телевизионном шоу Паннариелло «Я вернусь в субботу».

Я сформулировал свое желание, но ничего не сделал, чтобы его реализовать. Скажем так: эта мысль осталась со мной, она ждала нужного момента.

И момент не заставил себя ждать. Через неделю я был на собрании «Ювентуса» и остановился поболтать с девушкой, которая там работала. Пара слов, и я сказал, что сейчас у меня нет девушки, а она рассказала, что она подруга Алены и что она придет посмотреть матч «Ювентус» – «Парма» в это воскресенье. Это было 15 апреля 2005-го. Мы практически выиграли чемпионат, потому что «Милан» в пятницу сыграл вничью с «Палермо», и мы с арифметической вероятностью должны были

завоевать этот скудетто.

Но это другая история – история команды.

Моя личная история пересеклась с историей Алены в тот вечер. Ее подруга сказала мне:

– Потом мы идем ужинать.

Прежде чем она меня пригласила, я сам себя пригласил:

– Тогда и я приду.

Так мы встретились и познакомились.

По моему характеру я не могу ухаживать за девушкой классическим образом, если он вообще существует, этот классический способ. Я это делаю по-своему. Шутки, приколы, симпатия. Если девушка мне нравится, я больше стараюсь.

А Алена мне сразу понравилась.

У нее очень сильный и жесткий характер. Конечно, это отчасти зависит и от ее национальности. Я видел такой характер у Павла Недведа. Они прямо говорят, не играют словами, не стараются сформулировать помягче. Иногда Алена своими хлесткими ответами и резкими фразами заставляет меня застыть, словно каменного.

Так было и в тот вечер. На следующий день я повстречал Барбару, ее подругу, и сказал ей:

– По-моему, я ей не понравился.

Но я ошибся.

Нет ни методов, ни правил. Есть мужчины, женщины и моменты. В моем возрасте с моим опытом у нас постепенно начались отношения. Я всегда был уверен, что история любви, отношения между мужчиной и женщиной рождаются из знакомства, из общих интересов. Я не верю в любовь с первого взгляда.

И приходит тот день – по крайней мере у меня это так, – когда ты понимаешь, что ты больше не хочешь искать других людей, других девушек. И ты перестаешь тупить.

Ты счастлив от того, что у тебя есть.

С Аленой было именно так. Я думаю, что мы, мужчины, любим чувствовать себя вечно молодыми и поэтому никогда не перестанем ухаживать за женщинами, чтобы быть уверенными в своем неувядающем очаровании. Но это незрелое поведение – так называемый синдром Питера Пэна.

Преодолеть его, по-моему, означает быть рядом с человеком и уважать его каждый момент.

Так мы решили, Алена и я. Вместе. Мы.

Она наконец-то сделала меня уравновешенным человеком, она меня успокоила. И это действительно странно. Или нет. Секрет в том, что у нас совершенно противоположные характеры.

Она точна, пунктуальна, маниакально привержена порядку. Я рассеянный, вечно опаздываю, у меня всегда беспорядок. Но я считаю, что в важных вещах мужчина должен мыслить на перспективу, быть искренним с самим собой и обладать хорошей самокритикой, то есть уметь сталкиваться со своими слабостями лицом к лицу и найти человека, который сделает тебя лучше. Конечно, в основе всего этого должна быть любовь и желание жертвовать собой ради другого. Я думаю, что и она улучшает со мной свой колючий характер. Оставаясь при этом крепким орешком.

У нас не было ни одного кризиса. Было много споров. Она, как я и говорил, сильный человек. Во многих вещах – например, в организации ежедневной жизни нашего дома – она имеет максимальную свободу. Но я происхожу из традиционной семьи, и время от времени мне нужно сказать свое слово – не знаю, как это правильно назвать, но мужчина должен иметь возможность сказать свое слово в важных вопросах.

Знай, любовь моя,
Теперь я и ты стали нами…

Если существует песня, в которой сказано все о нашей любви, это песня «Знай, любовь моя» Биаджо Антоначчи. Мы, я и Алена, ее слушали, пока я и она становились теми «нами», которыми мы теперь являемся.

Эпилог
Будущее в моих руках

Будущее в моих руках, и его зовут Луис Томас.

Его имя появилось так. Я хотел назвать его Луиджи, как дедушку, как меня самого, но скажу без обид, это имя мне не кажется современным. Так что я выбрал имя Луис, которое кажется мне более спортивным. Имя Томас нравилось Алене – это имя, которое очень любят в Чехии, и поскольку она предложила мне выбирать, я сказал: давай объединим эти имена. Она доверила мне выбор имени, и я решил так ее отблагодарить.

Томас – это имя некоторых игроков, которых я люблю. И легендарного Н'Коно, вратаря Камеруна, и великого Скухравы, чешского полузащитника, выступавшего за «Дженоа».

Часто я смотрю на него и думаю: «Как тебе повезло».

Я немного ему завидую, потому что у него пока нет никаких проблем и волнений. Но потом я вспоминаю, как я был ребенком и как хотел вырасти, как хотел дойти до этого возраста. Когда ты маленький, ты завидуешь взрослым и мечтаешь покорить вершины, чтобы приблизиться к ним и стать взрослее.

Все время, что могу, я провожу со своим сыном. Я пытаюсь быть отцом. Я и Алена стараемся быть с ним дома, а когда куда-то идем, как можно чаще брать его с собой. Он редко не с нами. Я выработал для себя такую программу: посмотрим, как у меня получится, насколько я могу быть отцом 24 часа в сутки. Если у меня хорошо получится, то продолжим со вторым ребенком, потом с третьим и так далее. Поэтому вместо няни я всегда стараюсь сам побыть с ним.

Луис Томас – моя награда, самое важное, что есть в моей жизни. Я хотел бы передать ему те же ценности и то же воспитание, которое сам получил от своих родителей. Я надеюсь, что он будет ошибаться меньше, чем я, хотя считаю, что мужчине, чтобы стать настоящим мужчиной, необходимо пройти через трудности. Я хочу, чтобы он был счастливым человеком, чтобы у него были идеалы, которые он мог бы защищать и ради которых жить. Я бы хотел, чтобы у него были интересы и желания, ради которых он хотел бы вставать каждое утро, а не деградировать, не веря ни во что. Не знаю, станет ли он футболистом, но я этого хочу. В конце концов, мои желания немного значат. Дети – это не раскраска, как нам хотелось бы. А счастье – не то чувство, которое легко расшифровать и определить, но я чувствую, что оно у нас есть, у меня и у Алены.

Сейчас, в начале осени, футбольная жизнь снова начинается, и я думаю о «Юве», создавшем неплохую команду. Мы стали сильнее. Я не думаю, что у нас есть особые функциональные качества, но когда турниры такие долгие, сложные, трудные, в конце концов верх берут сильные команды. А мы – сильная команда и не ставим себе рамок. Мы готовы соревноваться.

От этого лета у меня осталась горечь – национальная сборная вылетела в четвертьфинале Евро. Мой баланс в австрийско-швейцарской кампании положительный. Я доволен отбитым пенальти Муту, который держал нас в тонусе в групповом матче против Румынии, и отбитым мной ударом Гуисы в серии пенальти против Испании. Чтобы отбить пенальти, требуется способность, но и некоторая удача.

Вратаря не судят по таким деталям. Это не новая мысль, но она верная, уверяю вас. В любом случае, возвращаясь домой, я думал, что, когда мне бьют пенальти, мы всегда проигрываем. В Берлине, в матче против Франции, не я отбил, а Трезеге ошибся.

Не дайте обмануть себя поражению, новое поколение, которое будет защищать титул в Южной Африке, может быть, будет лучше, чем те, кто играл в Берлине. Пирло и Де Росси – молодые и сильные, но в сборную приходят новые хорошие ребята. Но если мы технически стали еще сильнее, то найти такую команду, таких людей и такого тренера, который был в Берлине, тех, кто завоевал Кубок мира, будет трудно, очень трудно.

И мне жаль, как получилось в Вене. Моя сестра Гвендалина выиграла Кубок чемпионов в волейболе в столице Австрии, а я надеялся сделать семейный дубль и повторить этот титул в футболе. Я переживаю эти великие матчи с особой интенсивностью. На следующий день я проснулся и спросил себя: «Это правда случилось?»

Это правда. Но и это шаг к началу. К началу с Марчелло Липпи. Мне нечего о нем сказать, все знают, какие отношения нас связывают. Но и с Донадони у меня всегда были хорошие отношения. Он хороший тактик и принимает верные решения. О нем, как и обо всех тренерах, которые у меня были, я сохранил отличные воспоминания.

Я думаю, что у тренера с игроками должны быть дружеские, но сдержанные отношения. Это все объясняет.

Когда вы будете читать эти строки, начнется новый сезон. Мне еще много осталось выиграть. Лигу чемпионов, Межконтинентальный кубок, чемпионат Европы. Повторить скудетто и Мундиаль. Таким людям, как я, необходимы подобные

цели. Это единственный способ оставаться в форме. Я мечтаю о кубке Лиги чемпионов. Я всегда о нем мечтал. Он убежал от меня в Манчестере в 2003-м, и этого беглого знакомства мне было совсем недостаточно.

Но в этот момент, в этих оставшихся строках, я хочу сказать не о кубках, а о людях. О моей семье, о моем отце, о моей матери, об Алене, о Луисе Томасе, о моих друзьях, которые были со мной до этого, тридцатого, года моей жизни. О моих товарищах из «Каррары», верных болельщиках – Лауро, которого уже нет с нами, Баффетти, Альбе, Кодега.

Лица, люди, мои ценности всегда со мной и будут со мной, когда наступит время переживать новую историю и писать новую книгу.

Милан, 1 августа 2008 года, 20.43.

Послесловие

Вы когда-нибудь видели, чтобы вратарь давал автограф прямо во время матча? В карьере Буффона такое было – и это в миллионный раз показывает, насколько он велик.

В тот день итальянцы громили на выезде Лихтенштейн – 4–0. А у Джанлуиджи была только одна задача – не уснуть до финального свистка. Буффон продержался, но, чтобы не заскучать, ему пришлось расписаться на майке прорвавшегося на поле болельщика. Эпизод, едва ли уступающий в крутости «обнимашкам» Роналду и поцелую бутсы Месси.

Объектом поклонения Буффон стал еще в 2006-м, когда поднял над головой Кубок мира, а потом остался поднимать «Ювентус». Он мог закончить карьеру уже тогда – и все равно считался бы великим. Но Джиджи остается при деле и сегодня, когда те, с кем он начинал, успели посидеть (и поседеть) на тренерских скамейках. И не просто остается, а ежегодно выигрывает чемпионские титулы.

То, как Буффон реагирует на свои успехи, – отдельный повод для восхищения. Выдав весной 2016-го рекордные 974 минуты без пропущенных голов, он поблагодарил каждого игрока «Ювентуса», находившегося тогда в команде. 25 человек, включая резервных вратарей! Защитника Бардзальи Буффон, к примеру, предложил клонировать, а Пауло Дибале сказал, что он не зря носит игровой номер Зидана, Тюрама и Пирло.

После этого Джиджи обратился еще и к воротам: «Мне было 12 лет, когда я повернулся к вам спиной. Но я буду продолжать защищать вас до тех пор, пока мои ноги, голова и сердце позволят это делать». В общем, если Буффон начнет выступать с мотивационными лекциями – даже не думайте и покупайте билеты.

«Ювентус» – не единственный клуб, который спасал Буффон. Несколько лет назад он владел «Карраре зе» – той самой командой, которую поддерживал на трибунах в юности. Опыт получился не таким удачным: Джиджи вложил 600 тысяч евро, чтобы заявить клуб в третью лигу, и все решили, что так будет и дальше. Но другие спонсоры на помощь легенде не спешили, и в конце концов он решил вкладывать деньги во что-то более прибыльное.

«Что-то» – это производство вина, которое, как и сам Джанлуиджи, содержит ген долголетия.

В России Буффона любят настолько, что нашли, пожалуй, самое точное определение его крутости. «Буффонище!» – этот

крик комментатора Георгия Черданцева из матча с «Миланом» знает каждый, кто видел Джиджи в деле. Сам Буффон тоже знает – и, что особенно приятно, я ему в этом помог.

Сборные Швеции и Италии сыграли один из самых скучных матчей Евро – 2016. Спас его гол Эдера на 88-й минуте, благодаря которому итальянцы оказались в 1/8 финала. Это был отличный момент, чтобы рассказать Буффону о его русском прозвище.

В микст-зоне Джиджи появился одним из последних. Я поймал его уже на выходе – после того, как у итальянских журналистов не осталось никаких вопросов. Уверенности, что Буффон говорит по-английски, не было никакой – в случае с итальянцами эта проблема есть всегда, даже если речь о звезде мирового уровня. Про Франческо Тотти, к примеру, шутят, что он и на родном языке не очень. Но все оказалось гораздо проще, чем я думал.

Буффон остановился, выслушал, улыбнулся при слове «Буффонище» – и даже согласился произнести его на камеру. Долго тренироваться не пришлось, да и, честно говоря, не было времени – офицеры УЕФА строго следят за тем, чтобы пишущие журналисты писали, а не снимали. «Привет, ребята! Салют вам от Джиджи Буффона! Буффонище!» – Не считая беспорядков в Марселе, эти несколько секунд стали для меня главным впечатлением от турнира.

А ведь Джиджи, говорят, мог играть и в России. Тренер «Рубина» Виталий Кафанов рассказывает, что году в 2010-м Буффона предлагали казанцам. Абсолютно серьезно! «Были и деньги, и возможности», но тренер не захотел «терять Сергея Рыжикова».

Уверен, это самый необычный комплимент, который когда-либо получал вратарь «Рубина». Но было бы еще необычнее, если бы Джиджи приехал и бился с «Мордовией» и «Волгой». Или летал 8 часов во Владивосток. К русскому климату после дебюта за сборную он уже готов.

Удивительно, но союз Джиджи с футболом оказался прочнее даже брака с Аленой Шередовой, которой в его книге посвящена целая глава. Они развелись в 2014-м, а в 2016 году у Буффона родился ребенок от телеведущей Иларии Д'Амико.

В одном из интервью Джиджи говорил, что просто не чувствует себя взрослым. «Кто знает, может быть, я закончу в 65», – рассуждал он тогда. Джиджи не скрывает, что его карьеру движет желание выиграть Лигу чемпионов – турнир, в котором по какому-то несправедливому стечению обстоятельств он ни разу не побеждал. Так же, как не побеждали Марадона, Роналдо и Ибрагимович.

Проигранный финал 2003-го вверг Джиджи в депрессию, об этом он подробно рассказал в книге. Позже у Буффона было еще две попытки. Но и «Барселона», и «Реал» оказались слишком хороши для «Ювентуса». Я был на стадионе в Кардиффе и болел персонально за легенду. После четырех пропущенных мячей смотреть на Буффона было тяжело – на фотографиях было видно, что Супермен с трудом сдерживал слезы.

«Перед финалом было слишком много оптимизма. Даже у самого бездарного игрока «Реала» больше трофеев и выступлений в решающих матчах, чем у меня», – жаловался потом Джиджи.

Начало нового сезона получилось для него таким же трудным. Разгром от Испании и почти сразу – голы от Месси, который никогда прежде Джиджи не забивал.

Этот сезон почти наверняка станет последним в карьере Буффона. За сборную уже и не сыграет – после матча со Швецией стало ясно, что итальянцы не попадают на чемпионат мира.

Что будет дальше? Наверняка работа в структуре «Ювентуса». Может быть, должность в ФИФА или федерации футбола Италии.

Но даже в строгом костюме он останется для нас тем же Буффонище.

Номером один.

Ярослав Кулемин, Чемпионат.com

Приложение

Мои самые лучшие взятые мячи

1. Италия – Парагвай, 3–1, 22 апреля 1998 г. Товарищеский матч, удар головой с двух метров. Мне было девятнадцать лет. Это самый прекрасный сейв.

2. Италия – Франция, 2–0, 17 июня 2008 г. Я вытащил мяч Бензема с ленточки на последнем чемпионате Европы.

3. Парма – Интер, 1–0, 15 марта 1997 г. Чемпионат, передача на Сфорца.

4. Интер – Парма 3–1, 23 мая 2000 г. Матч в Лиге чемпионов: отличный удар Рекобы в левый угол.

5. Ювентус – Милан, 2–3, 28 мая 2003 г. Финал Лиги чемпионов в Манчестере, удар Индзаги.

Самые прекрасные мячи, которые я пропустил

1. Матиас Альмейда, Парма – Лацио, 1–2, 26 сентября 1999 г. Удар с поля.

2. Кристиан Вьери, Интер – Парма 5–1, 19 сентября 1999 г. Удар в левый угол.

3. Роберто Манчини, Парма – Лацио 1–3, 17 января 1999 г. Удар пяткой в угол.

4. Франческо Тотти, Рома – Парма 2–2, 19 марта 1998 г. «Ложечка» с края штрафной.

5. Кларенс Зеедорф, Интер – Юве, 2–2, 9 марта 2002 г. Удар с поля.

Моя лучшая ошибка

Чемпионат юниоров моложе 21 года, Англия – Италия, 1–0, 12 февраля 1997. Чтобы избежать углового, я проскользил вдоль линии и оказался за пределами поля, мяч остался в игре, и английский игрок его забил. Исторический момент. К счастью, такого больше не повторилось.

Матчи всей моей жизни

Болонья – Парма, 0–1, 12 января 1997 г. Я уходил под аплодисменты всего стадиона, а надо мной были болельщики «Болоньи». Это было нелегко.

Боруссия Дортмунд – Парма, 2–0, 15 ноября 1997 г. Лига чемпионов. Не смотрите на результат – я взял все, включая два пенальти.

Мои самые опасные соперники

1. Роберто Баджо – потому что он самый техничный и одаренный игрок из всех, с кем я когда-либо выходил на футбольное поле. Такую гениальность и вдохновение я ни у кого больше не встречал. Его касание мяча было уникальным.

2. Кристиан Вьери — потому что всегда, если для него был удачный день, на поле присутствовал только он, с его потенциалом и харизмой.

3. Роналдо – потому что я имел счастье видеть его в деле и играть против него, когда он был в «Интере». И для него у меня просто нет слов. Это настоящая природная сила, феномен. Один из немногих игроков, который пытается выиграть в одиночку. И у него почти получается.

4. Джордж Веа — потому что он стал символом африканского континента, которому он принес свободу. Он не просто исключительный игрок, одаренный невероятными техническими способностями, умением учить, удивительной элегантностью. Он еще был и остается чемпионом в человечности.

«Мои» вратари

(в случайном порядке, не по умениям)

Итальянские:

Джанлука Пальюка, Анджело Перуцци, Лука Маркеджани, Франческо Тольдо.

Иностранные:

Нельсон Дида, Оливер Кан, Петр Чех, Томас Н’Коно.

Мои любимые фан-клубы

1. «Юве» и «Дженоа». Я поставлю их вместе: понятно, они мои, они любимые, они эмоциональные.

2. «Аталанта» и «Верона». Они очень хорошо поддерживают команду, и хотя иногда ошибаются, все же очень вежливы. У ребят из Вероны еще и потрясающие голосовые способности. Однажды в Турине я слышал, как они приехали. Мне казалось, что их пять тысяч, а их было всего девятьсот.

3. «Рома» и «Лацио». Два замечательных клуба – у них такие песни, такие танцы, такие шутки. И они меня любят. Болельщики «Лацио» пели: «Лотито, купи Буффона».

Мои самые любимые стадионы

1. **«Энфилд», Ливерпуль.** Единственный стадион, где первые двадцать минут я ничего не понимал. Никак не мог сосредоточиться.

2. «Фенербахче», Стамбул. Потрясающий навесной стадион, на всех болельщиках – майки команды. Смотрится удивительно.

3. «Айброкс», Глазго. Меня всегда поражало их пение, поддерживающее команду.

4. «Караискакис», Афины. Стадион «Олимпиакоса», горячая поддержка болельщиков.

5. «Артемио Франки», Флоренция. Хорошая структура, болельщики очень близки к команде.

Самые любимые спортсмены (не футболисты)

1. Роджер Федерер — никогда не видел теннисиста, играющего на таком уровне и так естественно, как он.

2. Елена Исинбаева – потому что в таком спорте, как прыжки с шестом, для постоянного совершенствования и взятия одного мирового рекорда за другим нужно иметь сильный дух и потрясающую жертвенность.

3. Валентина Веццали и девочки-рапиристки – потому что на каждой Олимпиаде она дарит нам новую радость, новые медали, невероятные, фантастические. Они всегда участвуют и всегда выигрывают.

4. Валентино Росси — потому что он истинный талант, легенда. Больше всего меня потрясла та сила, с которой он пережил трудные моменты своей личной жизни. Это значит, что он круче нас всех – во всех смыслах!

5. Айртон Сенна – не только из-за его трагической гибели,

но из-за того, каким он был человеком и спортсменом. Он и Шумахер навсегда вписали свои имена в историю «Формулы-1».

О чем я жалею

1. Чемпионаты Европы юниоров до 15 лет с Польшей, май 1993 г. Когда ты ребенок, цели, которых ты почти добился, а потом они ускользнули, причиняют гораздо больше боли, чем взрослому.

2. Лига чемпионов 2002–2003. Это был мой первый и пока, к сожалению, единственный матч в финале за кубок Лиги чемпионов, и я надеялся, что «Милан», который выиграл их так много, мог бы и уступить.

3. Поражение от Испании в чемпионате Европы – 2008. Мне жаль себя самого, конечно, но и своих товарищей, и всех итальянцев. Играя в национальной сборной, ты выигрываешь или проигрываешь вместе с миллионами людей.

4. У меня нет аттестата. Но будет! Я надеюсь – как иначе мне объяснить своему сыну, когда буду помогать ему делать уроки, что учиться важно и папа сам это знает…

5. Я плохо говорю на английском. Когда ты говоришь на нем, тебя понимает весь мир. Как и на языке футбола.

Команды, в которых я бы хотел играть

1. «Реал» Мадрид. Из-за его важности для футбола, потому что это самая престижная команда в Европе с легендарной историей.

2. «Селтик». Из-за формы. Их футболка с белыми и зелеными горизонтальными полосками мне кажется потрясающей. И у них замечательный стадион и публика, которая их очень поддерживает.

3. «Вест Хэм». Из-за болельщиков. Я познакомился с ними, когда сам был «ультрас»: эти ребята ездят за футболистами с невероятной энергией. И их символ – два скрещенных молотка. Почти что как у коммунистов.

4. «Боруссия» Менхенгладбах. Из-за названия. Меня всегда интриговало такое длинное и сложное название. Когда я был маленьким, я не мог его произнести, да и сейчас не очень-то справляюсь.

5. «Дженоа». Это любовь. Это команда моего сердца, клуб, чья форма и чьи болельщики никому не уступают.

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ, ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:
https://eksmo.ru/b2b/

Звоните по телефону:
+7 495 411-68-59, доб. 2261

ВАШ ЛОГОТИП НА ОБЛОЖКЕ

ВАШ ЛОГОТИП НА КОРЕШКЕ

ОБРАЩЕНИЕ К КЛИЕНТАМ НА ОБЛОЖКЕ